

Когда У Ду добрался до Зала Успеха, все уже ушли, кроме старого слуги, который остался подметать двор. Когда У Ду спросил его, тот ответил, что не знает, куда делся Ван Шань, и это его очень раздосадовало, но все, что он мог сделать, — это вернуться на оружейный склад Цзянчжоу и вывести Бэнь Сяо из конюшни. Се Ю спросил:

— Я слышал, вы двое устроили бой в городе?

У Ду ответил ему:

— С дороги!

Се Ю потерял дар речи.

Сев на лошадь, У Ду понесся галопом так быстро, что мгновенно исчез, не оставив ни малейшего следа.

За пределами двора У Ду позвал:

— Шань-эр!

Ему никто не ответил. У Ду подобрал маленький нож, лежащий у края клумбы, и сразу же понял, что что-то не так. Он бросился внутрь и обнаружил разбросанные по полу лекарственные ингредиенты и следы борьбы, как будто в доме было два человека. Затем он взглянул на подоконник, и складка между его бровями углубилась. Он немедленно покинул дом, но, погнавшись за следами, не нашел в переулке никаких улик.

Зашел Чан Люцзюнь.

— Где Ван Шань и Му Цин? Все в поместье ждут, когда вы придете на ужин.

У Ду растерянно уставился на него. Сбитый с толку Чан Люцзюнь направился внутрь и, бросив беглый взгляд вокруг, резко вышел и посмотрел на У Ду, в глазах обоих читался ужас.

Когда Дуань Лин проснулся, он услышал, что люди рядом говорят на странном языке, похожем на хорезмийский. Он с трудом открыл глаза, но увидел лишь темноту. Он не знал, рядом ли с ним Му Цин. Голос одного из похитителей казался более или менее знакомым, но он не мог вспомнить, откуда.

На голову ему набросили черный мешок, и он различал какой-то смутный свет. Издалека

доносился девичий смех.

— И кто из них?

— Спроси его.

— Он догадается, кто мы.

— Как только он заметит, что они пропали, У Ду точно поймет, что это мы. Беспокоит то, что если мы спросим не того, то другой тоже сможет это понять.

— Давай сначала выясним, кто они такие.

До Дуань Лина мгновенно дошло — это монголы! Это тот самый Хатан-Батор, которого он видел в императорских садах! Зачем ему понадобилось похищать его? Не может же быть, что его план был раскрыт и они узнали, кто он такой? Это исключено.

Дуань Лин видел Хатан-Батора, но тот никогда не видел его. Эти двое думали, что говорят на языке, который Дуань Лин не понимает, и поэтому общались друг с другом, не стесняясь в выражениях. Они и представить себе не могли, что, стоило им заговорить, как Дуань Лин сразу же их узнал.

— Ты слишком беспечен, — раздался голос Хатан-Батора. — Как ты мог положить что-то столь важное в ножны?

— Откуда мне было знать, что он схватит мои ножны?

— Как ты думаешь, они могли следить за нами?

— Давай придумаем, что сказать, и вернемся как можно скорее. Они скоро придут за нами.

Другой голос сказал Хатан-Батору на хорезмийском:

— Этот, должно быть, сын Му Куанды. Смотри, на нем доспехи из серебряного шелка.

Рука потянулась к Дуань Лину и расстегнула его верхний халат, обнажая сияющие доспехи Белого Тигра. Голос Хатан-Батора произнес:

— Слуга У Ду никак не может заполучить такую ценную вещь. Только сын канцлера будет носить такое, чтобы обеспечить свою безопасность.

— Обыщи его, — раздался другой голос. — Проверь, нет ли при нем чего-нибудь, что могло бы подтвердить его личность.

Рука просунулась под лацкан Дуань Лина, ощупывая его то так, то эдак. Дуань Лин подумал про себя: «Ого, да ты и впрямь напрашиваешься».

Практически сразу после этого раздался истошный вопль. Как и ожидалось, Хатан-Батора укусила сороконожка, хранившаяся в одежде Дуань Лина. Подняв руку, он закричал во всю мощь своих легких, после чего упал на пол.

Другой голос в панике воскликнул:

— Хатан!

Значит, это действительно Хатан... — подумал Дуань Лин.

Ему вдруг стало жаль этих двух глупых похитителей. А еще ему очень хотелось смеяться.

— Антидот! Нужно найти противоядие!

И вот разговор между ними на хорезмийском закончился, собеседник начал говорить на ханьском, грубо дернул Дуань Лина за воротник и перенес его в другое место.

— Как тебя зовут?!

— Какая разница, как меня зовут? — сказал Дуань Лин с черным мешком на голове. — Жизнь твоего спутника в моих руках. Если тебе нужно противоядие, сначала отпусти моего друга.

Голос Хатана раздавался где-то в стороне от них и становился все слабее и слабее, пока не смолк.

— Он не умрет сразу. У тебя еще есть немного времени, чтобы подумать, стоит ли отпускать моего друга. А может, ты протянешь ко мне руки, обещаешь еще раз и сам получишь укус.

— Приготовь противоядие, — произнес голос. — Иначе я убью тебя. Твоя шея не покрыта броней.

— Но у меня нет противоядия, — усмехнулся Дуань Лин из-под черного мешка. — Поступай, как считаешь нужным.

Мужчина на мгновение затих, и Дуань Лин продолжил:

— Время не будет ждать. У тебя есть всего несколько часов.

— Я отпущу тебя. Твой друг в моих руках, и, если ты посмеешь кому-то что-то рассказать, я убью его. У тебя есть восемь часов — ты должен принести мне это до рассвета.

— Назови мне свои условия, — ответил Дуань Лин.

— Если опоздаешь, можешь не возвращаться. Мы будем, как разбитый нефрит и целая черепица. Скажи У Ду...

— Нужно говорить либо «ты пойдешь на дно вместе с моим другом», либо «лучше быть разбитым нефритом, нежели целой черепицей»*.

* Судья из провинции Динсян по имени Юань Цзиньгань очень боялся за свою жизнь, поэтому, чтобы угодить новому императору, попросил изменить своё имя и стать Гао вместо Юань (чтобы быть однофамильцем не свергнутого императора, а нынешнего). Узнав об этом, его двоюродный брат Юань Цзинхао сказал ему: «Как ты можешь отказаться от фамилии своих предков и взять фамилию чужака? Герой предпочтёт быть разбитым нефритом, нежели целой черепицей». На следующий день Юань Цзиньгань передал слова своего двоюродного брата Гао Яну. Тот распорядился убить Юань Цзинхао, а донёсшего на него Юань Цзиньганя наградил и позволил ему сменить фамилию на Гао. Так судье из Динсяна удалось ценой предательства не только сохранить свою жизнь, но впоследствии и продвинуться по службе.

— Спасибо за наставления. Принеси мне то, что я хочу — помимо расписок есть еще и то, что принадлежит мне. Принеси все в гавань за городом вместе с противоядием и положи на землю сразу за третьим причалом.

За городом? Они за городом? Мысли Дуань Лина заметались.

— Может, лучше отпустишь моего друга?

— Ни в коем случае. У тебя один выход. Этот мой подчиненный... Его жизнь не так уж и важна для меня.

— Успокойся. Он просто отравлен и все еще может тебя слышать.

Похититель усмехнулся и, подхватив Дуань Лина, произнес:

— Ну, пошли!

Ветер засвистел у Дуань Лина над ухом, а похититель постучал в дверь, толкая ее. Издалека до него доносилась музыка, затем она отдалилась, и в конце концов их окружила тишина. Дуань

Лин продолжал думать о том, где они находятся, пытаясь различить звуки поблизости; в какой-то момент он почувствовал, что похититель бежит с ним по стене, а в другой — что он несется по ровной земле. Неподалеку был слышен звон колокольчиков проезжающих карет.

— Если ты будешь продолжать бегать по кругу, — сказал Дуань Лин, — то потеряешь время, а это приведет лишь к тому, что ты убьешь своего подчиненного.

— Хмф, — усмехнулся мужчина. — Ты очень смысленный. Тогда вперед.

После того как веревка, связывающая руки Дуань Лина, ослабла, а мешок, надетый на голову, снялся, он оказался в небольшом переулке. Он медленно вышел на улицу, и перед его глазами раскинулась главная улица Цзянчжоу в полном величии весеннего вечера, но похитителя уже и след простыл.

За пределами поместья канцлера.

Чан Люцзюнь произнес:

— Придется вернуть им вещи. Во всяком случае, Его Величество их уже видел.

— Они у Чжэн Яня, — сказал У Ду. — Их уже представили Его Величеству, так что все, что мы можем сделать, — это пойти и забрать. Подожди немного... не паникуй...

У Ду немного подумал, а затем обратился к Чан Люцзюню.

— Отправляйся к почтовой станции. Я позову Чжэн Яня, подпишу документы на вывоз вещей из дворца и пойду поговорю с ними внутри. А пока следи за тем, чтобы у них не было возможности вывезти заложников, и не оповещай пока канцлера.

— Как мы можем не оповещать канцлера о таком серьезном деле?! Ты что, с ума сошел?!

— Тогда давай, сообщи ему. А когда потом все пойдет наперекосяк, не вздумай обвинять меня.

— Ты... — прокричал Чан Люцзюнь. — У Ду! У Ду!

У Ду перекинул ногу через спину Бэнь Сяо и направился напрямик во дворец. Когда Му Куанда не застал никого на ужине, он послал другого слугу, чтобы тот поторопил их, и Чан Люцзюнь, немного подумав, решился и сказал слуге:

— Молодой господин утащил Ван Шаня в Цветочный павильон, а я как раз собирался пойти и вернуть их. Пожалуйста, передай канцлеру Му, чтобы он наслаждался ужином.

Чан Люцзюнь тоже сел на лошадь и помчался к почтовой станции.

Дуань Лин не торопился возвращаться в поместье: он знал, что в доме канцлера сейчас царил полный переполох, и как только он войдет внутрь, его тут же задержит Му Куанда и подробно расспросит о случившемся. И в целях безопасности его больше не выпустят, так что именно сейчас он должен был понять, что им делать.

Должно быть, все дело в том, что их противник пронюхал о том, что сегодня У Ду проводил расследование по делу о взятках, и монголы рискнули захватить заложников, чтобы обменять их на улики. Когда этот человек держал его, Дуань Лин заметил, что он казался довольно высоким и крупным... Это был Амга? Кроме улик, которые он добыл с помощью подкупа, У Ду забрал у Амги еще кое-что, и, похоже, довольно ценное?

Рука похлопала его по плечу. Встревоженный, Дуань Лин обернулся, чтобы защититься.

— Учитель! — произнес Чан Люцзюнь.

Дуань Лина удивился, и Чан Люцзюнь спросил:

— Где Му Цин?

Дуань Лин заставил себя успокоиться.

— Его забрали Амга и Хатан-Батор.

Дуань Лину все еще было непривычно, что Чан Люцзюнь называет его «учителем». Он подробно рассказал о произошедшем и попытался утешить, чтобы тот не так волновался.

Чан Люцзюнь закончил слушать рассказ Дуань Лина и произнес:

— Тогда нам придется действовать как можно быстрее. У Ду отправился во дворец за Чжэн Янем, он скоро придет.

За пределами почтовой станции они вдвоем пытались наблюдать за тем, что происходит внутри. Дуань Лин выяснил, что Му Куанда еще не понял, что Му Цин исчез, и есть возможность не дать ситуации выйти из-под контроля — это хорошо.

— Думаю, их здесь нет, — произнес Дуань Лин. — Он целую вечность бегал со мной по городу и

явно никогда его не покидал.

— Я пойду внутрь и осмотрюсь, а ты подожди меня здесь... — Чан Люцзюнь остановился в раздумьях и, опасаясь, что что-то снова пойдет не так, решил сказать. — Возьму тебя с собой. Можешь забраться мне на спину.

Чан Люцзюнь был крупным мужчиной, и как только Дуань Лин запрыгнул на него, он тут же выскочил во двор почтовой станции. Сначала они забежали в помещение, где остановились выходцы из Силян, и внутри раздался девичий крик, Чан Люцзюнь схватил Дуань Лина, и они выбежали из купальни. Дуань Лин наступил ему на колено, взобрался по стене, и вместе они запрыгнули в комнаты юаньцев.

Дуань Лин подумал про себя, этот парень действительно храбр, раз вот так с головой бросается в это место.

— Кто там?!

Здание, где размещались юаньцы, хорошо охранялось изнутри, и Дуань Лин и Чан Люцзюнь оказались окружены, как только вошли внутрь. Чан Люцзюнь опустил на пол на одну ладонь и с размаху ударил стражников ногой в грудь; изо рта охраны хлынула кровь, и они попятились назад. Чан Люцзюнь выхватил у стражника меч и бросил его Дуань Лину.

— Ты можешь им пользоваться?

— Лук и колчан! Мне нужен лук и колчан!

Чан Люцзюнь нанес еще один удар ногой и просто разбил окна и двери вдребезги, вбегая в боковой зал, а оттуда выхватил лук и колчан, предназначенные для Дуань Лина.

Внутри никого не было.

— Скорее всего, они не на почтовой станции, — сказал Дуань Лин. — Это место — слишком очевидная цель. Пойдем, поищем что-нибудь другое.

Обернувшись, они увидели, что снаружи комнату окружили монголы, перекрыв им выход.

Дуань Лин на мгновение потерял дар речи.

— Уйдем тем же путем, что и пришли.

— Не обязательно, — ответил Чан Люцзюнь и потянулся вверх, чтобы снять маску. Стоя перед

дюжиной монголов за пределами комнаты и обнажив свою татуировку, Чан Люцзюнь произнес:

— Сейчас я начну убивать, но дам вам всем последний шанс. Покиньте это место, если понимаете, что для вас хорошо.

Судя по их лицам, монголы не поняли, что он сказал, и с боевым кличем ворвались в комнату с поднятым оружием. Дуань Лин быстро отпрыгнул назад на стол, готовясь поддержать Чан Люцзюня своим луком, но тот отклонил тело в сторону и врезался прямо в строй монголов.

Дуань Лин едва успел достать стрелу и натянуть ее, как тут же понял, что, кроме Чан Люцзюня, в комнате никого не осталось.

Он безмолвно глядел перед собой.

— Пойдемте, учитель.

Чан Люцзюнь даже протянул руку, чтобы спустить Дуань Лина со стола, и когда Дуань Лин покинул почтовую станцию, он не мог не оглянуться на валяющихся на полу людей и даже не знал, что ему чувствовать по этому поводу.

Они покинули постоялый двор и вышли на тихую улицу.

— Где же они могут быть? — Чан Люцзюнь в черном одеянии разбойника присел на каменного льва, как будто был каким-то зверем, сидящем на львиной голове.

— Может быть, мы можем заставить армию Цзянчжоу обыскать город? — произнес Дуань Лин.

— Боюсь, это может быть опасно для молодого господина. Вдруг они причинят ему вред?

Дуань Лин был инициатором этого плана, но никак не ожидал, что в итоге его поднимут на дыбы; если бы он знал, то был бы еще более осторожен. Но теперь, похоже, они приперли монголов к стенке, доведя их до полного отчаяния.

Приблизилась быстроходная лошадь. Прибыл У Ду.

— У Ду!

Он спрыгнул с лошади и побежал к Дуань Лину. Они крепко обняли друг друга, и У Ду явно выдохнул с облегчением.

— Хорошо, что ты в порядке. Хвала небесам.

Чан Люцзюнь произнес:

— Это еще не все!

— Давайте поговорим в другом месте, — ответил У Ду. — Чжэн Янь все еще во дворце. Он не смеет тревожить Его Величество и попытается как-нибудь вывезти вещи. Он велел нам ждать в лапшичной.

Чан Люцзюнь беспокоился о Му Цине, но, не зная, где он, и предполагая, что его не может быть на почтовой станции, он сумел пока бросить все дела и отправиться в «Лучшую лапшичную в мире» вместе с У Ду и Дуань Лином. Лапшичная уже закрывалась, но из-за того, что они были знакомы с Чжэн Янем, хозяин заведения прибрался в отдельной столовой на втором этаже и разрешил им остаться еще ненадолго.

Дуань Лин рассказал У Ду о том, что произошло, и они втроем размышляли о событиях вечера. Дуань Лин спросил:

— Что ты у него забрал?

У Ду выглядел совершенно озадаченным, но достал из ножен саблю Амги и показал ее им.

— Вот. — сказал Чан Люцзюнь. — Одно дело, когда вы с Чжэн Янем ходите и избиваете людей, но для чего ты взял его ножны?

— Я должен сохранить хотя бы какие-то улики, разве нет? Иначе что еще я должен был показать Его Величеству?

Дуань Лин произнес:

— Нет-нет, но это всего лишь ножны. Неужели ему нужно было заходить так далеко?

— Может, они имеют какую-то символическую ценность? — предположил У Ду.

Ножны были инкрустированы множеством драгоценных камней и выглядели очень ценными. Возможно, это был подарок Угэдэя или семейная реликвия.

Чан Люцзюнь сказал:

— Мы не можем позволить ему умереть от яда. У тебя есть противоядие?

— Я могу сделать его прямо сейчас, — ответил У Ду.

Развязав стальной ремень, который он хранил под верхним халатом, У Ду открыл потайной отсек и высыпал туда несколько порошков, смешав их маленькой ложечкой. Затем он попросил хозяина принести ему ложку для супа. Тем временем Чан Люцзюнь все еще пытался строить догадки, где они могли прятать Му Цина, а У Ду время от времени рассеянно отвечал ему. Дуань Лин думал о том, что сейчас ему хочется пойти домой и завалиться спать; поскольку его самого уже отпустили, Му Цин его не касался, он лишь сидел и наблюдал за паникой Чан Люцзюня.

Пока они разговаривали, Дуань Лин смотрел на ножны и вспоминал меч хана Хубилая. Монголы, похоже, любят инкрустировать ножны грудой драгоценных камней, чтобы показать свой статус. Он взял его в руки, на мгновение задумался, и, случайно проведя пальцами по какому-то скрытому механизму, открыл потайное отделение, обнаружив внутри листы пожелтевшей бумаги.

Разговор У Ду и Чан Люцзюня резко оборвался. Оба уставились на ножны.

— Что это? — Дуань Лин отжал пальцами край и осторожно достал два листа бумаги, разворачивая их на столе.

Это были экзаменационные работы, которые они с Цай Янем писали во времена учебы в Академии Биюн, и в нижней левой части каждого листа стояли их печати!

Все трое наклонились поближе и, нахмутив брови, уставились на два листа бумаги.

Как только У Ду увидел печать Цай Яня, он пришел в шок и посмотрел на Дуань Лина. Тот был совершенно ошеломлен, и первая мысль, которая пришла ему в голову, — О, нет! Чан Люцзюнь прямо здесь!

— Третий... месяц... рот... — Чан Люцзюнь читал вслух, выглядя совершенно сбитым с толку. Он спросил Дуань Лина:

— Что здесь написано?

Ни Дуань Лин, ни У Ду не знали, что ему ответить.

— Это секретные письма, написанные Борджигином Бату и Угэдэем этим двоих, — Дуань Лин протянул бумаги Чан Люцзюню.

— Возьми. Предъяви их канцлеру Му.

Но Чан Люцзюнь не стал брать их.

— Тот, кто достал их, должен и передать их.

— Да, — У Ду прекрасно понимал, что делает Дуань Лин, и, не говоря ни слова, забрал обе экзаменационные работы и спрятал их.

— Что нам теперь делать? — продолжил Чан Люцзюнь. — Мы должны же что-то придумать? Если канцлер узнает об этом, нам конец!

У Ду и Дуань Лин подумали: «Воу, это было близко!». Лицо Дуань Лина не подавало виду, что в происходящем было что-то необычное, он нахмурился и молча размышлял, не произнося ни слова.

И вот Чжэн Янь в несколько шагов взбежал по лестнице, вздымая порыв ветра, сел рядом с троицей и положил на стол завернутый в бумагу пакет. Тем временем Лан Цзюнься медленно поднялся наверх.

— Все подарки до единого здесь, — сказал Чжэн Янь.

От возвращения Лан Цзюнься Дуань Лин невольно вздрогнул, а У Ду нахмурился, обращаясь к Чжэн Яню:

— Зачем ты ему обо всем рассказал?

— Он выкрал для меня вещи, — сказал Чжэн Янь. — Они были в Восточном дворце.

— А где ножны? — спросил Лан Цзюнься.

Подул сильный ветер, и спина Дуань Лина покрылась холодным потом, ему стало не по себе.

У Ду жестом предложил Лан Цзюнься взять их. Тот перевел взгляд на ножны, лежащие на столе, но не сел на свое место. Он просто протянул руку и провел по ним пальцами, нажимая на кнопку, которая со щелчком открыла потайной отсек.

Но потайное отделение оказалось пустым.

Лан Цзюнься смотрел на него, ничего не говоря. Остальные четверо в комнате глядели на него. Чан Люцзюнь, казалось, что-то понял, и глаза под маской наполнились подозрением: сначала он уставился на У Ду, а затем снова обратил внимание на Дуань Лина.

— Айо, — пробормотал Чжэн Янь. — Ну и в какие загадки мы играем?

Лан Цзюнься слабо улыбнулся и отодвинул ножны.

— Где они его держат? — спросил Чжэн Янь Дуань Лина.

— Я... не совсем помню. Во всяком случае, не за городом. Я слышал смех, и из-под черной ткани, накинутой на голову, было очень светло, это...

Дуань Лину вдруг пришла в голову идея, и он вспомнил первоначальные планы Му Цина на вечер.

— Может, в Цветочном павильоне?

Они все смотрели на Дуань Лина, дожидаясь его решения. В конце концов, он ведь был единственным, кого похитили.

— Давайте проверим Цветочный павильон, — сказал Дуань Лин. — Разделимся на две группы: одна отправится в Цветочный павильон, а другая — в гавань, чтобы доставить вещи. Пока она будет там, то сможет проследить и за Амгой. Ты... Улохоу Му, ты и Чжэн Янь наблюдайте за гаванью, а У Ду, Чан Люцзюнь и я пойдем искать Му Цина. Вы согласны?

Лан Цзюнься мягко улыбнулся и, ничего больше не говоря, ушел.

— Остальное в ваших руках, — ответил Чжэн Янь и, перемахнув через перила, исчез в ночи.

Только после того, как Лан Цзюнься ушел, Дуань Лин облегченно выдохнул. Он обернулся, чтобы посмотреть на У Ду, но тот легким взмахом руки дал понять, что волноваться не стоит. Тем временем Чан Люцзюнь полностью ушел в свои мысли. Втроем они добрались до аллеи за Цветочным павильоном, и Дуань Лин наклонил голову, пытаясь разобрать звуки, доносящиеся из здания. Он чувствовал, что это именно то место.

— Это здесь, — сказал Дуань Лин. — Больше всего похоже на это место.

Внутри Цветочного павильона было полно молодых слуг и женщин, и если они пытаются кого-то спрятать, то достаточно просто укрыть его на кровати, и его будет трудно найти.

У Ду произнес:

— Давайте поделимся и обыщем комнату за комнатой. Чан Люцзюнь, ты осмотришь первый этаж, а мы — второй.

Пока Амга и Хатан-Батор проживали в Цзянчжоу, они наверняка проводили много времени в

Цветочном павильоне, предаваясь разврату. В противном случае, чем еще должны заниматься иностранные послы, болтаясь по ханьской столице? Каждый день устраивать поединки во внутреннем дворе?

Чем больше Дуань Лин думал об этом, тем больше ему казалось, что он угадал. После того как они определили, какие сигналы использовать с Чан Люцзюнем, У Ду обхватил Дуань Лина за талию и в два шага приземлился на второй этаж.

— Мы не будем заходить через дверь?! — прошептал Дуань Лин.

— Не беспокойся. Мы найдем его так быстро, как только сможем, а потом пойдем домой спать. Разве ты не устал? Ты весь день писал экзамен.

Дуань Лин только и мог, что промолчать. У Ду в мгновение ока исчез, а Дуань Лин все еще цеплялся за карниз, осторожно передвигаясь боком вдоль окон и стараясь не издать ни звука. У Ду осталось лишь вернуться и сказать ему:

— Никто не заметит шума. Мы же не подслушиваем у здания канцелярии.

Весенний вечер был безмятежен; даже если изредка раздавался стук черепицы, любой гость бы предположил, что это кошка. У Ду распахнул окно и заглянул внутрь: девушка играла на цине, а ученый слушал музыку.

Цветочный павильон когда-то был самым большим борделем в Сычуани, и когда Великая Чэнь перенесла свою столицу, бордель тоже переехал. Теперь же, после ряда реконструкций, он стал еще роскошнее, чем раньше, и на втором этаже было расположено более двадцати частных комнат. Дуань Лин открыл одно из окон. Внутри сидел толстый чиновник, многократно и громко целующий мальчика в своих объятиях.

Дуань Лин не мог не находить это комичным, и У Ду сразу же помахал ему рукой, чтобы он больше не смотрел. Он сам открыл окно и указал Дуань Лину на другое.

То, что скрывалось за каждым окном, казалось отдельным миром, в котором проживали совершенно разные люди. Дуань Лин наклонился к окну, и его лицо сразу же покраснело — там мужчина, красивый и стройный, обнимал другого молодого человека, приподнимая одну из его ног, и они совокуплялись, стоя перед зеркалом. В зеркале прекрасно отражалось место соприкосновения их тел, и, подобно тому, как нефритовый пестик растирает цветок для получения сока, во все стороны брызгала белая жидкость. Юноша явно получал огромное удовольствие: кожа на его груди и шее приобрела багровый оттенок, а сам он тяжело дышал.

Дуань Лин чуть не вскрикнул от удивления и быстро пригнулся под подоконником. А У Ду, решив, что он что-то обнаружил, подошел и проверил, но при одном взгляде внутрь его красивое лицо стало ярко-красным, и он поспешно закрыл окно, схватил Дуань Лина за руку и убежал.

У Дуань Лина голова шла кругом, и он, спотыкаясь, едва не соскользнул с плитки. У Ду обнял его за талию, и на мгновение им обоим стало немного неловко.

— Осторожно, — сказал У Ду.

— Эм... — Дуань Лин дал себе секунду на то, чтобы успокоиться, и, почувствовав, как то, что находится в штанах У Ду, упирается в него, немного отступил, а сердце бешено заколотилось в груди.

— Сюда.

— Ах, да, — У Ду открыл еще одно окно и указал Дуань Лину подождать снаружи.

Кто-то лежал на кровати, и Дуань Лин с первого взгляда понял, что это Му Цин. Кто еще мог в такое время спать в Цветочном павильоне? Он вбежал в комнату следом за У Ду и откинул одеяло. Как ни удивительно, но Хатан-Батор и Му Цин лежали рядом.

Му Цин не пострадал и крепко спал. Дуань Лин задался вопросом, Амга что, боится мести У Ду, или он такой хороший человек, раз до сих пор не пытал Му Цина.

— Мы спасем его? — учитывая, что они не причинили вреда Му Цину, Дуань Лин решил, что не хочет больше доставлять Хатан-Батору неприятности.

— Даже если я захочу его спасти, у меня нет противоядия. Я уже отдал его Чжэн Яню.

Дуань Лин отвернулся к окну и свистнул в знак того, что они нашли Му Цина, дав Чан Люцзюню понять, что тот должен прийти за ним. Чан Люцзюнь в считанные секунды оказался в их комнате и, увидев неподвижно лежащего Му Цина, почувствовал, что от одного только испуга его жизнь сократилась вдвое. Он ущипнул точку меридиана над губой Му Цина, пытаясь разбудить его, и принес чашку чая, чтобы вылить ему на губы.

— Ну же, посмотри на него. Что с ним? — произнес Чан Люцзюнь.

Дуань Лин сказал:

— С ним все в порядке — он просто потерял сознание, вот и все.

Вскоре Му Цин, как они и предполагали, пришел в себя и, выдохнув, произнес:

— А? Чан Люцзюнь?

Все уставились на него, потеряв дар речи.

— Ван Шань? У Ду? — Му Цин огляделся вокруг. — Где мы? В Цветочном павильоне? Что вы здесь делаете в такую рань?

Надо отдать должное Дуань Лину: по его приказу они почти весь вечер пребывали в состоянии паники, а Му Цин все это время спал.

Затем Чан Люцзюнь заставил У Ду тщательно проверить, не отравлен ли Му Цин, и, несмотря на его протесты, забрал его домой.

— Я могу идти сам! — сопротивлялся Му Цин. — Почему бы нам не выпить в соседней комнате? Подожди! Я еще...

У Ду и Дуань Лин уткнулись лбами в ладони. Чан Люцзюнь был в ярости.

— Мы перепугались до смерти из-за тебя!!! А ты все говоришь о выпивке! Пойдем домой! Доберемся до дома, и нас обоих накажут!

— Тогда воспользуйся дверью! Почему ты выпрыгиваешь из окна? — Му Цин был зажат под рукой Чан Люцзюня, как мяч, а его ноги дико бились в воздухе.

Дуань Лин не мог перестать смеяться. Он снова накрыл Хатан-Батора одеялом и вышел из комнаты вместе с У Ду; выживет ли он после этого, будет зависеть от того, на что способен Амга.

— Как прошли экзамены? — У Ду только сейчас настроился на праздную беседу с Дуань Лином.

— Нормально, — с улыбкой ответил Дуань Лин. — Как гора с плеч.

Сегодня наконец-то подошли к концу все годы учебы в школе, и если он попадет на дворцовый экзамен, то, скорее всего, станет чиновником. Если же он не пройдет, то ему придется искать другой способ заработать на жизнь.

— Ты просил меня пообещать тебе одну вещь. Что именно? — спросил У Ду.

Они вышли из комнаты в хорошо освещенный коридор, сверкающий фонарями; вокруг них мельтешили дамы из Цветочного павильона и звучала музыка. На щеках Дуань Лина появился румянец, и, вспомнив, о чем он думал сегодня утром, вдруг представил себе сцену за тем открытым окном — и тут же покраснел до самых ключиц.

— Н-ничего. Пойдем домой, — Дуань Лин уже собирался повернуться, но У Ду взял его за руку и остановил.

— Пойдем, — улыбнулся У Ду. — Давай выпьем чего-нибудь.

— Хм... — Дуань Лин облизнул губы.

У Ду еще даже не начал пить, но на его щеках уже появился намек на румянец. Он развернулся и посмотрел на двери неподалеку.

— Должны же остаться хоть какие-то места.

Сердце Дуань Лина заколотилось, но У Ду сказал, чтобы он оставался здесь и ждал, пока он спустится вниз к хозяйке борделя и снимет отдельную комнату на втором этаже. Это ведь нехорошо? Мы собираемся... Как У Ду узнал, о чем я думаю?

— На втором этаже нет свободных мест! — У Ду уже поговорил с владелицей борделя, а теперь крикнул вверх по лестнице. — Спускайся вниз.

Дуань Лин быстрыми шагами спустился по лестнице с покрасневшими щеками, и все поднимающиеся девушки оборачивались посмотреть на него; одна из них даже потянулась к его рукаву. Дуань Лин сразу же поднял руку, чтобы отгородиться от них, и в крайнем смущении сбежал вниз по лестнице.

Сводник подошел и повел Дуань Лина и У Ду в комнату.

— Вам по одной на каждого, господа? Или чего бы вы пожелали?

— Мы пришли за музыкой, — ответил У Ду. — Принеси ширму и поставь ее перед нами. Мы здесь только для того, чтобы послушать игру на пипе, больше ничего заказывать не нужно — принеси закуски и все такое, мы еще не ужинали.

Дуань Лин вспомнил Калиновый двор в Шанцзине, и казалось, что именно так там все и делалось. И вот сводник поставил для них низкую кушетку, принес ширму, заказал еду к вину и не позвал девушек, чтобы те пили с ними. Это оказалось Дуань Лину по душе.

У Ду понюхал кувшин с вином и сказал своднику:

— Принеси нам чистый кувшин.

— Вино стоит один таэль серебра за кувшин, — ответил сводник. — Господин, за новые

кувшины нужно платить вперед.

У Ду молча уставился на него.

Дуань Лин дернул У Ду за рукав: ему это казалось забавным. Напуганный взглядом У Ду, полным желанием убийства, сводник подобрал кувшин и убежал за новым, не переставая при этом тихонько сетовать про себя.

— Я старался быть вежливым, — усмехнулся У Ду.

Дуань Лин промолчал.

Они сидели лицом друг к другу, а снаружи звук пипы постепенно становился тише, пока не смолк. Кто-то восклицал «замечательно», а кто-то награждал исполнительницу подарками. Дуань Лин высунул голову из-за ширмы, гадая, насколько красива играющая на пипе. Увидев прекрасное лицо Дуань Лина, она мило улыbnулась и подмигнула ему, а затем взяла свою пипу и ушла.

У Ду молча наблюдал за происходящим.

Дуань Лин сказал:

— Я впервые сижу в главном зале Цветочного павильона. Здесь довольно интересно.

— Сядь на эту сторону. Не выглядывай из-за ширмы.

Дуань Лину осталось лишь вернуться к У Ду и сесть с ним плечом к плечу. Вскоре принесли кувшин с вином, несколько тарелок жаренного в масле мяса с овощами* и закусок. Дуань Лин, съевший за день лишь горсть холодного риса на обед, целый день чувствовал себя голодным, но только когда У Ду сказал ему «ешь», он приступил к трапезе.

* На английском звучит как «stir-fry» и обозначает китайскую технику приготовления еды в воке, когда мясо, овощи, морепродукты и лапша обжариваются в масле и в процессе постоянно перемешиваются. Но на русском нет аналога термина этой техники. Самое близкое, наверное, «вок».

Сам У Ду ничего не ел, но ждал пока наестся Дуань Лин.

Дуань Лину было интересно, как поживают Чжэн Янь с Лан Цзюнься: они вынуждены стоять у реки посреди ночи, обдуваемые ветром, а тут еще этот отравленный монгол лежит на втором этаже.

— Почему ты не ешь? — видя, что У Ду не притронулся к еде, он поднял свою чашку. — Давай. Я выпью за тебя.

У Ду чуть не рассмеялся: Дуань Лин был так сосредоточен на еде, что, должно быть, умирал от голода, он поднял свою чашу с вином, в то время как У Ду поднял свою, и едва успел глотнуть теплого вина, как снова начал есть. Спустя несколько секунд, почувствовав жажду, он открыл крышку кувшина и стал пить прямо оттуда.

— Нам нужно идти проведать Чжэн Яня и Улохоу Му? — сказал Дуань Лин, наевшись до отвала.

— Сами разберутся. Хочешь еще выпить?

— Больше нет, — Дуань Лин испустил долгий вздох. — Если я выпью еще, то опьянею.

— Если напьемся, я отнесу тебя домой на спине. Все в порядке. В твой день рождения я и так хотел пригласить тебя куда-нибудь выпить — в любом случае ты уже взрослый, сдал экзамены, так что, естественно, мне хочется пригласить тебя куда-нибудь повеселиться.

Слегка захмелев от выпитого, Дуань Лин обнял У Ду.

У Ду почувствовал себя немного беспокойно и, повернувшись на бок, поднял руку, обнимая Дуань Лина.

— Эй, — обратился Дуань Лин к У Ду, — У Ду, пойдем наверх.

— Наверх? — У Ду задумался, а когда понял, о чем говорит Дуань Лин, на его щеках выступил румянец. — Наверху нет... нет больше мест. Почему бы нам не пойти домой?

Дуань Лин схватил У Ду за руку и притянул к себе, прислонившись к его плечу, а в следующее мгновение поднял лицо и посмотрел на него, в его глазах не было ничего, кроме опьянения. Его губы приоткрывались, словно он собирался что-то сказать.

За ширмой мелькали тени, и свет, пробивающийся сквозь них, переливался разными цветами, бросая отблески на них двоих. Снова заиграла пипа, и на этот раз певица запела «Три прощания у заставы Янгуан»**.

* Сама песня называется «Три прощания у заставы Янгуан», но ее текст основан на стихотворении «Провожая господина Юаня Второго в Аньси».

* Для понимания сточек песни: ива в китайской культуре — это символ не только разлуки, но и весны и женской красоты, а значит — «весенних» утех. «Ивовые чувства и цветочные

желания» означает сексуальное желание; «искать цветы и покупать ивы» означает посещать проститутток, «цветы и ивы у дороги» — проститутки, а «спать среди цветов и отдыхать под ивами» — термин для посещения борделя. «Засохший цветок, увядшая ива» 尸花 — падшая, опозоренная женщина.

— В Вэйчэне утренний дождь смочил лёгкую пыль; на постоялом дворе обновилась пышная зелень ив...

— Молодой господин, сюда, пожалуйста.

— Похоже, они проделали весь этот путь, — донесся голос Цай Яня, — а где же тот паренек из поместья Му?

— Он уже должен был прибыть, — ответил ему мужской голос. — Присаживайтесь пока, молодой господин.

Цай Янь и еще один ученый подошли к ширме. Дуань Лин был пьян, а У Ду тоже полностью утратил бдительность. Глаза всех четверых встретились, и Цай Янь удивленно спросил:

— У Ду?

Улыбка У Ду исчезла, он даже не вспомнил, что должен встать и формально поприветствовать Цай Яня. Улыбаясь, Цай Янь сел на другую низкую кушетку и, не обращая внимания на манеры У Ду, произнес:

— Му Цин попросил меня прийти сюда сегодня вечером, сказал, что у него есть очень хороший друг, с которым он хотел бы меня познакомить. Я и представить себе не мог, что это будешь...

Цай Янь замер, поняв, что происходит, только когда встретил взгляд Дуань Лина.

—...это ты, — пробормотал Цай Янь, его лицо мгновенно стало смертельно бледным.

— Это я, — Дуань Лин протрезвел наполовину, сел, скрестив ноги, взял кувшин с вином и налил чашу. — Ваше Высочество, я пью за вас.

Цай Янь и Дуань Лин спокойно сидели друг напротив друга, а за ширмой раздавались яркие переливы пипы, сопровождающие тихий голос исполнительницы.

— Давайте же выпьем вино до дна, что в чарки я вновь налил. Ведь к западу после заставы Ян не встретите друга вы...

Наступила ночь, и вокруг царила крошечная тьма, если не считать единственного фонаря, висящего на пирсе и мягко покачивающегося на ветру над рекой.

Одна за другой волны обрушивались на берег реки. Лан Цзюнься и Чжэн Янь спрятались за скалами, издали глядя на деревянный пирс.

В самом конце пристани лежал небольшой сверток, замотанный в ткань.

Лицо Чжэн Яня внезапно расплылось в улыбке.

— У меня вдруг возникло ощущение, что манера речи Ван Шаня кое-кого мне напоминает.

Лан Цзюнься не произносил ни звука и продолжал молча смотреть на пирс, скрестив руки. Прошло уже более получаса, но никто так и не пришел за свертком.

После сказанного оба снова погрузились в молчание, как пара деревянных статуй.

Вдруг из реки вышел насквозь промокший человек. Он прижал одну руку к земле, а другой потянул сверток к себе под воду.

Чжэн Янь и Лан Цзюнься испуганно бросились к нему, но было уже слишком поздно. Фигура снова нырнула в реку. Чжэн Янь прыгнул в воду, а Лан Цзюнься побежал за ним по берегу.

Внутри Цветочного павильона.

Перед глазами Цай Яня и Дуань Лина проносились одна за другой сцены из прошлого.

Они словно вернулись в ту весну, когда цвели персики; вернулись в те дни, когда проходили мимо друг друга в Прославленном зале, скрепя руки перед собой, кивая и приветствуя друг друга; вернулись в ту ночь, когда вместе учились боевым искусствам у Ли Цзяньхуна, выполняя движения Меча царства; вернулись в те дни, когда повсюду раздавался плач, когда захватывали город, а по улицам текла кровь.

Цай Янь вернулся к тому моменту, когда сорвал белую ткань с тела брата, когда его глаза были полны страха и беспомощности.

Страх выплеснулся из тела Цай Яня, заставляя его нервничать так, что желудок свело

судорогой, и так сильно, что он опрокинул стоящую перед ним пустую чашку.

Дуань Лин только и делал, что смотрел на него, спокойный и тихий, а страх Цай Яня рос с каждым мгновением, словно сидящий перед ним человек был призраком возмездия, пришедшим забрать его жизнь, неся с собой ошеломляющую ярость покойного Ли Цзяньхуна и осуждение всей Великой Чэнь.

Он был напуган. Дуань Лин тоже это понимал — чего же он так боялся?

Дуань Лину вдруг стало смешно: он понял, откуда взялся страх Цай Яня. Он боялся не Дуань Лина, а его отца. Устрашающая сила его отца, похоже, не исчезла после того, как он пал в бою, а затаилась в невидимом месте — словно острый нож, вонзившийся в душу Цай Яня и пригвоздивший его к памятной стеле.

— Ваше Высочество, прошу вас, — с улыбкой произнес Дуань Лин, подталкивая локтем У Ду.

Ученый, стоящий рядом с Цай Янем, холодно произнес:

— Как милостиво.

У Ду поднял свой кувшин, ученый тоже взял кувшин. Каждый из них налили по чаше вина молодому человеку, сидящему рядом с ними.

У Ду собрался с силами и сказал Цай Яню:

— Ваше Высочество, это мой приемный сын, Ван Шань.

— Ван... Ван Шань, — дрожащим голосом произнес Цай Янь. — Так это ты.

— Я выпью от имени Его Высочества, — сказал ученый.

Поскольку вино предложил Дуань Лин, ученый отставил его для Цай Яня.

Они оба погрузились в затянувшееся молчание, которое длилось так долго, что даже ученый начал замечать неладное. Он спросил Цай Яня:

— Ваше Высочество плохо себя чувствует?

Все, чего хотел Цай Янь, — это как можно скорее покинуть это место. Он заставил себя сказать:

— Было слишком ветрено, и из-за этого у меня немного... болит живот.

Ох, как же тяжело тебе приходится, когда ты выдумываешь оправдания в такой момент, подумал Дуань Лин. Злость, которую он испытывал с того момента, как увидел Цай Яня, взяла верх над рассудком, и все, что он хотел сделать, это сказать еще что-нибудь, чтобы спровоцировать его, но, когда он уже собирался начать говорить, снаружи вдруг раздался громкий шум.

— Не дайте ему уйти! — это был голос Чжэн Яня.

Дуань Лин на мгновение оцепенел от ужаса, прежде чем в голову пришла первая мысль: Амга вернулся! Не успел он сделать паузу, как раздался еще один громкий треск — Амга пробил перила и упал прямо на пол. У Ду и тот ученый, каждый из которых был занят их защитой, разделились на две группы и отошли друг от друга. У Ду решительно выхватил меч.

В следующее мгновение другой человек развернулся в воздухе и ударом ноги отправил в полет ширму. Она полетела прямо на Амгу и с громким звуком превратилась в пыль.

Дуань Лин снова и снова отступал, укрывшись за спиной У Ду, и отходил все дальше от Цай Яня. Тогда Амга схватил Цай Яня и отшвырнул ученого прочь, заноса свой клинок над его шеей.

Тем, кто отбросил ширму, был Лан Цзюнься, а за ним стоял промокший насквозь Чжэн Янь. Когда они заметили, что Цай Янь схвачен, на лицах обоих отразился ужас.

— Говори, что тебе нужно, — произнес Лан Цзюнься. — Не теряй время.

Амга никак не ожидал, что после падения с лестницы ему попадет такая крупная рыба. Только когда его противник заговорил, он заметил, что заложник, которого он схватил, — наследный принц Великой Чэнь, и расплылся в улыбке.

— Интересно, — сказал Амга, — так это ты, да?

Амга проделал трюк с саблей, ее острие ослепительно сверкнуло в свете ламп, и Цай Янь перестал дышать. Все смотрели на руку Амги, держащую саблю, а Цай Янь глядел прямо в глаза Дуань Лину.

— Ты скажи мне, что за условия, — произнес Амга, — мы все умные люди.

В комнате воцарилась тишина, и никто не решался что-либо сказать; к их удивлению, первым заговорил Дуань Лин.

— Всем оставаться на месте. Чжэн Янь, приведи ему трех лошадей. Хатан-Батор еще здесь? Приведите его сюда и посадите на лошадь.

Лан Цзюнься и Чжэн Янь переглянулись. Чжэн Янь кивнул ему, и он отправился на улицу, чтобы приготовить лошадей.

Тем временем Лан Цзюнься понял, что Дуань Лин и Цай Янь уже встретились лицом к лицу. Сначала он выглядел испуганным, но затем с опаской повернулся к Цай Яню, давая понять, что ему не стоит беспокоиться, он сам обо всем позаботится.

— Ты, — обратился Амга к У Ду, — отойди туда. Держись на расстоянии.

У Ду и Дуань Лин решили просто отойти в сторону и насладиться представлением.

В голове Дуань Лина прокручивалось множество мыслей, он многое хотел бы сказать, но в итоге этого не сделал.

Спустя некоторое время шаги снова приблизились, и в комнату вбежал еще один человек.

— Ваше Высочество, что происходит?!

Это был Чан Люцзюнь, и он понял ситуацию, как только увидел, что происходит в Цветочном павильоне. Амга приказал:

— Всем выйти!

И все вышли из комнаты. Лан Цзюнься бросил взгляд на Цай Яня и Дуань Лина, как бы колеблясь. Амга же просто поторопил его:

— Пошевеливайтесь!

Все медленно покинули комнату.

Все молчали, и Дуань Лин догадывался, что произошло: Чжэн Янь и Лан Цзюнься ждали на пирсе и столкнулись с Амгой, когда тот пошел туда за вещами. Получив сверток, он на огромной скорости вернулся в город, бежал по крышам, чтобы попасть в Цветочный павильон, и когда Лан Цзюнься и Чжэн Янь уже почти поймали его, Амга вконец отчаялся.

— Лошади готовы, — зашел Чжэн Янь. — Отпусти его.

Все четыре великих убийцы были в сборе: Амга и захваченный им Цай Янь — с одной стороны,

Дуань Лин — с другой, а за ним У Ду, Лан Цзюнься, Чан Люцзюнь и Чжэн Янь.

Дуань Лин подумал: «Как же тебе повезло, Цай Янь. Если тебя убьют прямо сейчас, придется разгребать этот ужасный бардак».

— Хатан-Батор здесь? — спросил Дуань Лин.

— Выведите его из города, — едва слышно проговорил Дуань Лин. — Генерал Се стоит на страже у городских ворот, так что сам он выйти не сможет. Мы возьмем на себя инициативу, идемте.

Цветочный павильон находился недалеко от городских ворот. Некоторое время они шли пешком: Дуань Лин и четверо убийц шли впереди, а Амга на той же лошади, что и Цай Янь, следовал за ними.

— Мы возлагаем на тебя свои жизни, — произнес Чжэн Янь, — если мы не сможем вернуть Его Высочество, нам придется спастись бегством.

Однако Дуань Лин был бы рад, если бы Амга похитил Цай Яня на север; во всяком случае, Бату позаботился бы о нем как следует. Однако если наследного принца их страны вот так просто похитят, он не представляет, как они объяснят это Ли Яньцю. Избавление от соперника может только усложнить ему жизнь.

Дуань Лин обернулся, чтобы взглянуть на них, когда Чан Люцзюнь спросил остальных троих:

— Что случилось?

— Понятия не имею, — ответил Дуань Лин. — Я выпивал в Цветочном павильоне.

— Я и сам понятия не имею, — ответил У Ду. — Я тоже выпивал в Цветочном павильоне.

— Амга пришел лично забрать сверток, — Чжэн Янь был все еще весь мокрый, а его халат прилип к телу. — Он бежал так быстро, что мы мгновенно потеряли его из виду.

Лан Цзюнься не подавал виду, но это подтверждало теорию Дуань Лина.

— И зачем ты сюда пришел? — спросил Дуань Лин у Чан Люцзюня.

— Молодой господин попросил меня извиниться перед Его Высочеством, — ответил Чан Люцзюнь. — За то, что не смог прийти сегодня.

— Ты в порядке? — Дуань Лин заметил, что из руки Чжэн Яня сочилась кровь, но тот отмахнулся от его беспокойства.

Впятером они уже добрались до городских ворот. Лан Цзюнься достал жетон, висевший у него на поясе, и показал ее Черным доспехам, охраняющим город.

— Нам нужно покинуть город по делам Восточного дворца.

Дуань Лин взял у солдат лук и колчан.

Чжэн Янь и Лан Цзюнься уже покинули город, поэтому солдаты не стали их проверять. Тогда они спросили:

— А что с теми людьми, что стоят позади вас?

— Они с нами, — ответил Лан Цзюнься.

Амга сопровождал Цай Янь и держал дистанцию в несколько десятков шагов между ними и убийцами, не желая подходить ближе.

Дуань Лин произнес:

— Улохоу Му, пойдти приготовь для него лодку.

Лан Цзюнься ушел за лодкой, и все ждали его возвращения.

— Мне нужно справить нужду, — Дуань Лин скрылся в темноте, пробираясь к берегу, и У Ду последовал за ним.

Дуань Лин оторвал от своего халата небольшую полоску ткани и написал на ней углем слова: «Пусть это письмо застанет тебя в здравии». Он привязал ткань к стреле и, засунув ее в рукав, вернулся в гавань.

— Посадите Хатан-Батора в лодку, — добавил Дуань Лин.

Ученый тоже последовал за ними из города, стоя в отдалении; он смотрел то на одного, то на другого, гадая, кем может приходиться Дуань Лин, если все четверо великих убийц с готовностью выполняют его приказы, не задавая вопросов.

Амга усмехнулся:

— Наверняка ты здесь единственный умный человек.

Дуань Лин подумал: «Если он тебе действительно нужен, наследный принц твой, оставь себе на сдачу», но сказал:

— Давай, садись в лодку.

— погоди! — в панике произнес Чжэн Янь. — Что ты имеешь в виду? Верни его!

Амга взял Цай Яня с собой в лодку, и Лан Цзюнься и Чжэн Янь побежали за ними несколько шагов. Чан Люцзюнь сказал:

— Не выйдет, Ван Шань. Не вздумай со мной шутки шутить.

Ну вот, напугал, подумал Дуань Лин, и как только шест Амги ударился о воду, и лодка собралась отчаливать, Дуань Лин закричал:

— За ним!

Амга тут же пинком отправил Цай Яня в воду. В это же время Лан Цзюнься, преследовавший их до края причала, остановился на месте, а Чжэн Янь снова бросился в воду.

Дуань Лин знал, что Амга бросит Цай Яня в воду, чтобы выиграть время; он никогда не беспокоился, что тот действительно заберет его с собой.

Но после того, как Чжэн Янь с плеском нырнул в воду, чтобы спасти Цай Яня, Амга крикнул им с уже удаляющейся лодки:

— Ваш наследный принц — ненастоящий! Вас всех одурачили!

Дуань Лин безмолвно уставился на него. У Ду, Лан Цзюнься, Чан Люцзюнь, а также подбежавший к ним ученый смотрели в ужасе. Даже Дуань Лин не ожидал, что Амга сможет выкрикнуть это вот так!

Мгновенно отвлекшись, Дуань Лин только сейчас вспомнил о стреле. Он тут же выпустил ее, и она, как падающая звезда, улетела в темноту, но он не знал, угодила ли она в лодку или упала в реку.

Прошло еще мгновение, и из реки выполз Чжэн Янь с вымокшим Цай Янем на руках. Лан Цзюнься и Чан Люцзюнь подбежали к нему, чтобы проверить его состояние.

— С вами все в порядке, Ваше Высочество?

Дуань Лин подтолкнул У Ду, говоря, что он должен пойти и хотя бы изобразить заботу. У Ду осталось лишь подойти к ним и проверить пульс Цай Яня.

— Ваше Высочество, — ответил Дуань Лин, — извините, если я вас оскорбил. Это моя вина, правда.

У Цай Яня уже не осталось сил говорить, и он отмахнулся от извинений с жалким видом.

Ученый подвел к ним лошадь и сказал:

— Ваше Высочество, я отвезу вас обратно во дворец.

Цай Янь слабо выговорил:

— Все вы... все вы...

— Ваше Высочество? — произнес ученый.

— Фэн До, — сказал Чжэн Янь, — немедленно отведи Его Высочество обратно. Не дай ему простудиться.

— Я тоже возвращаюсь, — сказал Лан Цзюнься.

Лан Цзюнься в темноте закинул ногу на лошадь и поспешно удалился, а остальные смотрели ему вслед.

Из всех четверых только Чжэн Янь выглядел помятым и измученным. Очевидно, что он меньше всех был причастен к происходящему, однако всю ночь провел в бегах, плавал и получал травмы, даже дважды прыгал в реку.

— Пойдем ко мне домой, мы тебя перевяжем, — сказал Дуань Лин.

Чжэн Янь рассеянно хмыкнул, явно о чем-то размышляя. Дуань Лин заметил, что все они были не в духе, хотя тот, кто действительно должен был быть обеспокоен, — это он сам. У Ду выглядел вполне нормально, а вот Чан Люцзюнь и Чжэн Янь словно шли в трансе. Дуань Лин похлопал Чан Люцзюня по спине.

— Эй, Чан Люцзюнь? Ты в порядке?

— Просто оставь меня в покое! — вырвался Чан Люцзюнь.

На Чан Люцзюня свалилось слишком много сюрпризов, и он уже не мог идти прямо. Сначала похищение Му Цина, из-за которого он провел почти всю ночь на нервах, затем захват наследного принца в заложники, и, наконец, фраза Амги перед уходом, прозвучавшая как гром среди бела дня. Все это повергло его в состояние крайнего шока.

Но он не задавал никаких вопросов, и, как только он вернулся в поместье, то оставил их, чтобы отчитаться перед Му Куандой. Дуань Лин до этого был пьян, и ситуация изменилась слишком быстро; ему потребовался почти час, пока его обдувало ветром у реки, прежде чем он протрезвел и с ужасом начал вспоминать случившееся уже постфактум. Он должен был как можно скорее разобраться со всем, что узнал, ибо слишком многое произошло за один вечер.

Как только они переступили порог дома, Дуань Лин отправился искать мазь, а Чжэн Янь, не обращая на них внимания, сел за стол.

— Принесите мне вина.

Тем временем Дуань Лин похлопал У Ду по груди, и тот кивнул ему в ответ, давая понять, что мазь все еще у него.

— Я схожу в поместье и найду для него вино.

Чжэн Янь разделся по пояс, оставляя халат завязанным на талии и открывая взору бледные мышцы; он был все еще погружен в раздумья.

Дуань Лин приготовил мазь и опустился на колени рядом с ним, собираясь нанести ее на его раны.

— Как ты поранился?

— Получил удар саблей под водой, — рассеянно ответил Чжэн Янь. Он выглядел довольно отвлеченным.

Из четверых убийц У Ду все время оттягивал время, Чан Люцзюнь не доставал меч, а Лан Цзюнься размышлял о том, как Цай Янь оказался на одной стороне, а Дуань Лин — на другой. И только Чжэн Янь бросил все силы на спасение «наследного принца», словно от этого зависела его жизнь. Зачем ты так старался, чтобы спасти его? Что тебе такого дал Цай Янь?

Конечно, ничего, Чжэн Янь просто выполнил свой долг. Дуань Лин полагал, что первым, кто прыгнет в реку, когда Цай Янь упадет, будет Лан Цзюнься; он никогда не думал, что Чжэн Янь сделает это без колебаний. Он спас Цай Яня, но на самом деле он вытащил из воды самого Дуань Лина.

Чжэн Янь погрузился в свои мысли, и меж его бровей пролегла глубокая складка. Дуань Лин знал, что он, должно быть, услышал слова Амги перед уходом, и сейчас размышлял над ними. Может, у него появилось какое-то предчувствие, что что-то не так? Дуань Лин не был уверен, знает ли Чжэн Янь его отца и на чьей он стороне.

Прежде чем Дуань Лин начал делать что-то еще, он промыл рану Чжэн Яня, распухшую и побледневшую от времени, проведенного в воде. Затем он взял тарелку и развел лекарственный порошок в мази. Окончательно вернувшись в настоящее, Чжэн Янь развернулся и немигающим взглядом уставился на Дуань Лина.

— Что в конце сказал Амга? — вдруг произнес Чжэн Янь. — Когда я выбрался из реки, я слышал только плеск воды и не совсем понял его.

Дуань Лин на мгновение умолк и произнес:

— Я тоже не совсем разобрал. Давай снимем твою перчатку.

Чжэн Янь положил руку на стол, и Дуань Лин просунул палец под край перчатки, чтобы снять ее. Она была сплетена из тонких металлических нитей, похожих на шелк, предположительно для ловли скрытого оружия и ближнего боя с клинком. На тыльной стороне руки Чжэн Яня была татуировка в виде белого тигра, выполненная черной краской древним письмом.

И снова эта татуировка: татуировка Лан Цзюнься — на руке, татуировка У Ду — на шее, а татуировка Чан Люцзюня — на лице.

Заметив, что Дуань Лин обратил внимание на его татуировку, Чжэн Янь бросил на него еще один взгляд.

— Такая же, как у У Ду, — Дуань Лин оставил перчатку в деревянном тазу сушиться, а сам протер руку и ладонь Чжэн Яня сухой тряпкой, после чего нанес мазь.

— Чан Люцзюнь понял, что он сказал? — Чжэн Янь, словно превратившись в другого человека, холодно произнес.

— Думаю... возможно, да.

Чжэн Янь замолк, и на некоторое время оба затихли. Дуань Лин закончил наносить мазь, перевязал руку Чжэн Яня, и его взгляд снова обратился к лицу Дуань Лина.

— Ты очень красивый, — пробормотал Чжэн Янь и, положив руку на подбородок Дуань Лина, заставил его немного приподнять голову, его взгляд остановился на его губах. При этом выражение его лица изменилось, как будто он хотел что-то попробовать. Сердце Дуань Лина мгновенно подкатило к горлу.

Все произошло в мгновение ока: уголок рта Дуань Лина искривился в полуулыбке, и он отвел руку Чжэн Яня в сторону. Тот снова нахмурил брови.

— Что ты пытаешься сделать? — Дуань Лин отступил от него. Ему было интересно, удалось ли Чжэн Яню что-нибудь понять за то короткое мгновение. Он до сих пор помнил, как отец говорил ему, что форма губ передается по наследству. Чжэн Янь был знаком с семьей Хуайинхоу Яо, значит, он наверняка встречался и с тетей Дуань Лина — не сопоставит ли он черты лица Дуань Лина с ее чертами?

— Быть с У Ду скучно, — Чжэн Янь снова стал прежним и заискивающе улыбнулся. — Почему бы тебе не развлечься со мной? Дай мне позаботиться о тебе три дня и три ночи, и ты никогда не захочешь покинуть меня, даю слово.

— Ты и Его Высочество учил развлекаться? Я заметил, как ранее ты был готов прыгнуть за ним в воду.

— А вот о таком нельзя говорить. Думаешь, твоя голова слишком надежно прикреплена к шее?

Дуань Лин хотел сменить тему разговора на Цай Яня, чтобы понять, как Чжэн Янь относится к нему.

— Кто тот, кто был с ним сегодня?

— Этого парня зовут Фэн До. Очень коварный тип. Не связывайся с ним.

Вернулся У Ду и поставил на стол кувшин с вином.

— Пей, а затем скорее уходи. Мы ужасно хотим спать.

Затем он начал снимать вещи и переодеваться в повседневную одежду, которую носил дома, как будто Чжэн Яня там и не было. В этот момент он сказал Дуань Лину:

— Принеси Чжэн Яню чистую одежду.

Чжэн Янь взмахнул рукой в знак того, что в этом нет необходимости. Взяв кувшин, он сделал глоток и тут же выплюнул все содержимое.

— Что это? Твоя моча? — спросил Чжэн Янь с перекошенным лицом.

У Ду закончил переодеваться и, сложив листы бумаги, убрал их в ножны для меча.

— Почему ты так много болтаешь? Сейчас середина ночи. Где мне найти для тебя хорошее вино? Я взял его на кухне.

У Дуань Лина от ветра разболелась голова, и он лег на кровать, чтобы послушать их разговор. У Ду спросил Дуань Лина:

— Спишь?

— Нет, — Дуань Лин развернулся лицом к У Ду и Чжэн Яню. — Кто такой Фэн До?

— Преступник, — ответил Чжэн Янь. — Он вступил в сговор с иностранной страной. Его приговорили к смерти и планировали казнить осенью*, но в это время столицу перенесли, и он вместе с нами перебрался в Цзянчжоу.

* Традиция казнить «осенью и зимой» возникла в эпоху династии Хань, за исключением казней за измену, когда голову отрубали сразу. Поскольку весна и лето — сезоны, когда всё произрастает, а осень и зима — когда всё сущее умирает. «Душа возвращается на девять уровней Небес» вместе с опавшими листьями, и дабы следовать воле небес, казнь осуждённого также должна следовать этому закону.

— Какое преступление он совершил?

У Ду был не очень-то осведомлен о том, что происходило при дворе.

Чжэн Янь вяло ответил:

— Тринадцать лет назад Южная Чэнь разработала план, чтобы посеять раздор в Ляо. Фэй Хундэ подговорил семью Елюй обвинить клан ученых Цай из столицы Ляо в «ожидании возможности совершить измену». До того, как он вступил в Теневую стражу, старшая сестра Фэн До вышла замуж в семью Цай, и, чтобы спасти сестру, он передал эту информацию Цай Е. После этого его сдал кто-то из Теневой стражи, и он отправился в тюрьму...

Дуань Лин и У Ду обменялись взглядами, безмолвно подтверждая, что они оба знают, почему Цай Янь выбрал Фэн До, и Чжэн Янь, не обращая на них внимания, выпил еще одну чарку вина.

В то же время в погруженном во тьму дворце мерцало пламя свечей.

Цай Янь, словно до смерти испугавшись, продолжал задыхаться. Даже после того, как он переоделся, в его глазах по-прежнему не было ничего, кроме страха. Губы побледнели, и он никак не мог успокоиться.

Лан Цзюнься сидел перед столом и тихо размышлял за чаем.

Цай Янь наконец пришел в себя и в несколько шагов оказался перед Лан Цзюнься. В тот же момент он протянул руку и ударил Лан Цзюнься по лицу звонким и чистым шлепком.

— Как... Как ты посмел...

Лан Цзюнься ничего не произнес, и в следующий момент Цай Янь со всей силы ударил ногой, переворачивая стол перед собой и отправляя его на пол.

— Скажи что-нибудь! — словно обезумев, Цай Янь взвыл на Лан Цзюнься. — Скажи что-нибудь!

— Уже поздно, — ответил Лан Цзюнься, — вам нужно поспать, Ваше Высочество.

— Ты предатель! — завопил Цай Янь. — Двуличный предатель! Негодяй!

В мгновение ока меч, мерцающий холодным светом, оказался у горла Цай Яня; он даже не заметил, как он покинул ножны, а Лан Цзюнься уже крепко вцепился в другой конец меча.

Он понимал, что отстранил всех своих помощников, и Лан Цзюнься мог в любой момент легким движением клинка перерезать ему горло.

Цай Янь сделал полшага назад, но Цинфэнцзянь следовал за ним на равном расстоянии, словно тень.

— Ваше Высочество не должны так шуметь, — Лан Цзюнься понизил голос и серьезно произнес. — Иначе нас обоих убьют без всякой причины.

Цай Янь успокоился и отступил еще на полшага. На этот раз клинок не последовал за ним.

— Слишком поздно... Слишком поздно, — сказал Цай Янь, дрожа. — Они все слышали, что он сказал. Особенно Чжэн Янь. Он обязательно расскажет моему дяде.

— Он не твой дядя, — Лан Цзюнься небрежно убрал меч в ножны, его тон был лишен эмоций. — Это чужой дядя.

— Ты ведь убьешь его за меня, правда? — задыхался Цай Янь. — Ему повезло, и он сумел сбежать, так что ты сможешь мне убить его снова, а потом убьешь всех, кто слышал эти слова. Лан Цзюнься, как ты и обещал, пока я нахожусь в этом положении, ни один живой человек не узнает об этом.

— Человек не всемогущ, — сказал Лан Цзюнься, — я постараюсь сделать все возможное. Выпей успокоительного отвара и поспи. Когда уснешь, тебе больше не будет страшно.

— Убей его. Убей его сейчас же. Я умоляю тебя! Лан Цзюнься!

Цай Янь бросился на него, но Лан Цзюнься развернулся, схватил его за воротник и толкнул к краю кровати. Он прошептал Цай Яню на ухо:

— Ваше Высочество, убийство случайного человека, который не имеет к вам никакого отношения, только вызовет подозрения у Му Куанды. Не забывайте, что Чан Люцзюнь тоже слышал, что было сказано сегодня вечером.

Цай Янь с трудом сглотнул. Лан Цзюнься больше ничего не говорил и повернулся, чтобы выйти из комнаты.

Цай Янь снова и снова думал о том, что Дуань Лин все еще жив, и эта мысль наполняла его невообразимым страхом, а в следующий момент он размышлял о том, как Амга выкрикнул им правду и как ему придется отвечать, если Ли Яньцю спросит его об этом. Амга просто пытался посеять смуту! Клевета! Это явная клевета!

Когда он вернулся ко двору, тоже ходили слухи, и в конце концов именно У Ду вынес окончательное решение и подтвердил его личность. Но как Дуань Лин оказался на стороне У Ду?! У Ду называл его «Ван Шань»... Знает ли У Ду, кто он такой?

У Ду никогда не встречал его раньше, и у Дуань Лина тоже не было возможности подтвердить свою личность, так как же ему удалось выжить?

Цай Янь снова сел и приказал стоящему снаружи слуге:

— Пошли за Фэном. Поторопись. Приведи его.

Фэн вошел в комнату и так торопился, что даже не успел переодеться. Он встал за пологом кровати и спросил:

— Что нужно Вашему Высочеству?

Цай Янь долго обдумывал вопрос. Слова вертелись у него на языке, но он не знал, с чего начать. В конце концов он мог лишь устало произнести:

— Сядь вон там. Просто сядь.

Фэн сел рядом. Цай Янь протяжно вздохнул, откинулся на подушку и, бледный и осунувшийся, безучастно уставился на полог.

— Ваше Высочество, нужно ли вызвать императорского лекаря, чтобы он вас осмотрел?

— Нет.

Он уже думал о том, как сбежать из дворца и оставить все это позади, но куда он мог пойти? Чжэн Янь, У Ду, Чан Люцзюнь... каждый из них — мастер боевых искусств. Без защиты Лан Цзюнься поймать его будет сущим пустяком. Он нарушил клятву, данную Ли Цзяньхуну, и ему казалось, что он вечно будет жить в бушующем огне и никогда не найдет покоя.

И все же он ни разу не подумал о том, чтобы попросить прощения у Дуань Лина. Он знал, что тот не простит его — даже если Дуань Лин согласится, Ли Яньцю обязательно превратит его в фарш. В худшем случае он всегда сможет отравить Ли Яньцю... убить его... убить всех... В голове Цай Яня мелькнула отвратительная мысль, которая лишила его всех сил и заставила уснуть в оцепенении.

Когда Дуань Лин снова открыл глаза, уже рассвело. За день произошло так много событий, что он был совершенно измотан. Когда он проснулся, рядом с ним спал У Ду, и он почувствовал себя очень спокойно.

Дуань Лин развернулся на бок, уютно прислонившись к У Ду, и потерся головой о его грудь, обнаруживая, что от него не так уж и сладко пахло... Он слегка отдавал потом. Прошлой ночью они не потрудились помыться перед сном.

Который час? Сегодня ему не нужно заниматься! Настроение Дуань Лина внезапно улучшилось. Снаружи все еще цвели персиковые деревья, и щедрые россыпи лепестков развевались на весеннем ветерке. В его голове роилось множество мыслей, но все они были оттеснены на второй план мыслью о том, что ему не нужно учиться, — самой важной мыслью.

Он гадал, когда же Чжэн Янь успел уйти. Дуань Лин встал в дверях и некоторое время смотрел на улицу, а затем повернулся, чтобы поискать в ножнах пожелтевшие экзаменационные листы. Хорошо, что они все еще были там.

Сегодня будет особенно трудное испытание — не может быть, чтобы Му Куанда ни о чем его не спросил. Он должен заранее придумать, что ему ответить.

Прежде всего, Му Куанда спросит о вчерашнем похищении. С этим будет легко справиться.

Затем Чан Люцзюнь наверняка заговорит о «секретных письмах». Их нельзя просто так отдавать, иначе и Цай Янь, и он сам будут разоблачены.

И наконец, стоит ли ему выяснить у Му Куанды, не является ли наследный принц самозванцем? Начнет ли Му Куанда расправу над Цай Янем? Ситуация начала развиваться в выгодном для него направлении — Чжэн Янь услышал, Чан Люцзюнь услышал, Лан Цзюнься тоже. Возможно, ему вообще ничего не придется делать: Яо Фу, Му Куанда, Цай Янь, даже Ли Яньцю могут что-то предпринять.

— Какие у тебя планы? — У Ду проснулся, и, когда он сел, его голова все еще слегка раскалывалась. Он немного посидел на кровати, надавив на лоб — очевидно, вчера вечером он сильно перебрал.

Дуань Лин развернул бумаги и положил их на стол, размышляя о том, как Цай Янь все это будет объяснять. Судя по тому, что он знает о нем, тот многое держит в тайне, но при этом исключительно непреклонен. Внезапная встреча с Дуань Лином привела его в состояние временного потрясения, а потом его похитили, и только поэтому он никак не отреагировал вчера вечером. Теперь же, когда у него есть время все хорошенько обдумать, он обязательно найдет способ скрыть этот обман.

— Это был вступительный экзамен в Академию Биюн. Он хранился в Шанцзине, так что вполне возможно, что монголы забрали его с собой во время вторжения. Не могу поверить, что Бату сохранил его.

Почерки Дуань Лина и Цай Яня были совершенно разными. В детстве Цай Янь учился писать у брата, поэтому его каллиграфия была аккуратна и в ней чувствовалась сила воина. Почерк Дуань Лина же был полной противоположностью. После того как он научился писать, подражая работам госпожи Вэй, он стал обладателем утонченного каллиграфического стиля.

— Почерк Цай Яня выглядит так, будто его учил человек, который держал в руках меч — сила кисти проходит сквозь бумагу. Это была одна из причин, по которой четвертый принц тогда ему поверил.

Дуань Лин про себя посмеялся:

— Такое ощущение, что во мне нет ничего от отца.

— Твоя манера говорить чем-то похожа на его, — У Ду еще немного подумал и добавил. — Нет, на самом деле ты немного похож на Его Величество. Ты говоришь обо всем так, будто это не так уж и важно.

— Скажи, если мы представим эти доказательства дяде, он поверит?

Бумаги были заверены их личными печатями, и если Цай Янь сказал Ли Яньцю, что в Шанцзине его звали Дуань Лином, то достаточно показать ему экзаменационные листы с печатью «Дуань Лин». Почерк на них полностью отличается от почерка Цай Яня, и правда будет раскрыта.

Но если Цай Янь никогда не говорил об этом, то, сравнив эту бумагу с почерком нынешнего наследного принца, можно сделать вывод: наследный принц когда-то использовал имя «Цай Янь». Что же может сделать Цай Янь, чтобы добиться этого? От Шанцзина до Сычуани, каждая деталь его жизни, какой бы незначительной она ни была, должна была быть изучена Ли Яньцю. Му Куанда ни за что бы не допустил, чтобы от него ускользнула хоть какая-то информация, а уж Се Ю и подавно.

У Ду все еще сидел на кровати и безучастно смотрел на Дуань Лина.

— Он когда-нибудь упоминал, под каким именем жил в Шанцзине? — спросил Дуань Лин.

— Не знаю. Меня тогда отправили в Небесную тюрьму, а когда вывели на допрос, спросили только одно: «Тот ли это человек, которого ты искал в Шанцзине?».

В тот день У Ду привели во дворец в одежде заключенного, и это был единственный вопрос, который задал ему Ли Яньцю. Все детали совпали, и таким образом «наследный принц» Южной Чэнь вернул себе свою личность.

Первое, что ему предстояло выяснить, — сможет ли Цай Янь воплотить эту ложь в жизнь.

— Господа, — почтительно произнес управляющий, — канцлер Му хотел бы видеть вас обоих.

Наконец-то. Дуань Лин знал, что Му Куанда будет расспрашивать их о событиях прошлой ночи.

Как только Му Куанда проснулся на рассвете, он по привычке выпил три порции чая. Чан Люцзюнь сидел на коленях неподалеку и дожидался раннего утра, прежде чем начать рассказывать о том, что произошло вечером. К тому времени, как Му Куанда выслушал начало рассказа, выражение его лица уже помрачнело. Он сказал Чан Люцзюню: «Остальное расскажешь чуть позже», и приказал слуге привести Чан Пина, У Ду и Дуань Лина.

Первым пришел Чан Пин, еще не понимая, зачем его вызвали, и только после того, как Дуань Лин и У Ду вошли и пожелали доброго утра, Му Куанда приказал подать завтрак. Он сказал Чан Люцзюню:

— Теперь можешь говорить.

И вот Чан Люцзюнь во всех подробностях рассказал о том, что произошло накануне вечером. Когда он дошел до похищения монгольскими послами, стало ясно, что Му Куанда уже знает об этом; в конце концов, слишком много всего произошло на постоялом дворе прошлой ночью, чтобы армия Цзянчжоу могла это проигнорировать. Как только Чан Люцзюнь закончил на половине и сделал паузу, Чан Пин сказал Му Куанде:

— Я уже все уладил с Се Ю и его людьми. Просто вы вчера рано легли спать, господин канцлер, и поэтому у меня не было возможности доложить вам.

— Верно, — кивнул Му Куанда и спросил Дуань Лина:

— Так все и было? Чан Люцзюнь ничего не упустил?

— Нет.

Рассказ Чан Люцзюня был четким и последовательным. Затем он продолжил: когда он упомянул, что Лан Цзюнься открыл отсек в ножнах, его глаза обратились к Дуань Лину и У Ду.

— Это были две секретные записки, переданные Амге и Хатан-Батору Борджигин Бату, — Дуань Лин знал, что ему зададут этот вопрос, поэтому подготовился. — Я уже передал их Чжэн Яню.

— Вчера вечером ты сказал, что сделаешь не это, — произнес Чан Люцзюнь. — Разве ты не говорил, что сначала мы передадим их канцлеру Му?

Дуань Лин кивнул и обратился к Му Куанде.

— Вчера вечером мне вдруг пришло в голову, что вместо канцлера Му, который должен представить их императору, Чжэн Янь — более подходящее лицо. Поэтому я решил ковать железо, пока горячо, и передал их Чжэн Яню.

В глазах Чан Пина мелькнуло недоверие.

— Зачем?

Дуань Лин решил оставить их в подвешенном состоянии — он знал, что Му Куанда не станет его подозревать, — и продолжил:

— Давайте сначала дождемся, когда Чан Люцзюнь закончит свой рассказ.

И вот Чан Люцзюнь продолжил, и когда он дошел до той части, где монгол взял в заложники наследного принца, и Му Куанда, и Чан Пин пришли в шок.

— Ван Шань, ты правда не боишься смерти, — недоверчиво произнес Чан Пин. — Как ты мог так оскорбить наследного принца?

Вот ведь умный человек, подумал Дуань Лин. Чан Пин сумел разгадать его намерения по

второй части рассказа.

Но Му Куанда никак не выказывал своего отношения к поступку Дуань Лина и сделал еще один глоток чая.

— Чан Люцзюнь, продолжай.

Чан Люцзюнь дошел до того места, когда наследный принц упал в воду, и даже Му Куанде стало не по себе от этой мысли. Но когда он узнал о том, что выкрикнул Амга, и Му Куанда, и Чан Пин слегка вздрогнули.

Долгое время никто ничего не говорил. Все сидели в мертвой тишине.

Но спустя некоторое время Му Куанда неожиданно улыбнулся.

— Неужели? Я так и знал, что он самозванец.

Настала очередь Дуань Лина растеряться. Он предполагал, что Му Куанда будет некоторое время пребывать в оцепенении, но он и представить себе не мог, что канцлер империи примет этот факт без всякого удивления.

Чан Пин сказал Му Куанде:

— Борджигин Бату, должно быть, учился вместе с сыном Ли Цзяньхуна, и он отправил посла проверить, подлинный ли наследный принц. Затем, как только он понял, что что-то не так, он отправил другого посланника якобы для празднования дня рождения наследного принца, а на самом деле это была попытка подтвердить его подозрения.

— Верно, — Му Куанда спросил Дуань Лина. — Это то, о чем говорилось в письме?

— Да... да, это так. Дуань Лин пришел в себя и встретился взглядом с У Ду.

У Ду, похоже, тоже был удивлен, но кивнул.

— Так и есть. Чан Люцзюнь был с нами в то время, и я принял решение передать их, решив, что чем меньше людей об этом узнает, тем лучше.

По дороге У Ду и Дуань Лин уже обсудили это между собой; Дуань Лин продолжил фразу У Ду:

— Я думал представить их вам, канцлер, и позволить вам решить, что с ними делать. Но поскольку Амга уже успел это выкрикнуть перед уходом, и все присутствующие ясно

расслышали его слова, я решил передать оба письма Чжэн Яню. Вернувшись во дворец прошлой ночью, Чжэн Янь наверняка доложит о случившемся Его Величеству, и хоть какое-то вещественное доказательство будет сохранено. В противном случае, поскольку Улохоу Му уже знает, что у нас на руках эти улики, мы только создадим себе лишние проблемы — нам точно не дадут ни дня покоя.

Му Куанда надолго замолчал, размышляя обо всем. После долгой паузы он бросил взгляд на Чан Пина, и тот медленно кивнул ему в ответ, не говоря ни слова.

В эту долю секунды Дуань Лина настигло озарение, и он понял, какое послание они передали! Он не мог не подумать о том, что было близко — если бы он поступил иначе, ситуация еще больше вышла бы из-под его контроля.

Му Куанда и Чан Пин наверняка сговорились свергнуть Цай Яня. Если это так, то все, о чем говорил У Ду, полностью совпадает с фактами! Му Куанда хотел не контролировать Ли Яньцю, а захватить Южную Чэнь! Если бы он допустил, чтобы эти две экзаменационные работы попали в руки Му Куанды, это было бы равносильно подписанию смертного приговора Цай Яню.

У Ван Шаня нет никаких доказательств, кроме этих двух экзаменационных работ; сможет ли он без проблем вернуться к императорскому двору?

— «Решение», которое ты принял, не посоветовавшись со мной, — сказал Му Куанда, его тон был холоден, — слишком уж резкое, Ван Шань.

У Ду не смотрел на Му Куанду. Его взгляд был устремлен на Чан Люцзюня.

— Это было мое решение.

— Забудьте об этом, — Му Куанда все еще немного сердился. — Вы оба, на улицу. И ты, Чан Люцзюнь.

Все трое встали и вышли. Дуань Лин выглядел встревоженным и взглянул на У Ду.

Но У Ду отмел его опасения и прошептал:

— Что он может нам сделать? Если он меня доведёт, я отравлю всех в его поместье — вся его семья вознесется на девять небес.

Дуань Лин засмеялся. Однако эти слова напомнили ему о Му Цине, и он решил проведать его.

В комнате Му Куанда глубокомысленно хмурил брови. Он поставил чашку чая на угол стола. Чан Пин взял и отпил из нее.

— Господин канцлер, теперь, когда я об этом подумал, то, что предпринял Ван Шань, на самом деле было лучшим решением, — сказал Чан Пин.

Поразмыслив, Му Куанда пришел к выводу, что тот прав.

Му Куанда вздохнул.

— Как я мог не знать, что это лучший вариант действий? То, что Чжэн Янь услышал, что им прокричали, отнес тайные письма во дворец и сообщил об этом четвертому сыну Ли, куда более правдоподобно, чем если бы их передали мне, а потом вручили ему. Я просто переживаю из-за этого мальчишки Ван Шаня — до чего же у него развитое мышление. Никто его этому не учил, и все же он сумел так четко все продумать. Это отнюдь не похоже на то, что мог бы придумать кто-то его возраста. Я лишь беспокоюсь, что он никогда не приживется у нас.

Но Чан Пин ответил на это улыбкой. Му Куанда вдруг вспомнил о чем-то другом и улыбнулся, кивая в ответ.

— У него с тобой есть общие черты.

— Скоро он нас примет, — сказал Чан Пин.

Му Куанда ответил:

— Не бери в голову. Полагаю, это моя ошибка. Я просто надеюсь, что он займет место на экзаменах. Позови его обратно.

Чан Пин вышел за слугой, чтобы тот привел Дуань Лина назад. Перед возвращением Дуань Лина Му Куанда добавил:

— Похоже, небеса действительно на моей стороне. Теперь это лишь вопрос времени.

— Господин канцлер, вы слишком много времени проводите во дворце, и Се Ю уже начинает что-то подозревать. Убедитесь, что вы соблюдаете максимальную осторожность.

После этих слов их разговор закончился, и они погрузились в тишину.

Дуань Лин только что пришел в комнату Му Цина, но они едва успели сказать друг другу пару слов, как его снова позвали. На этот раз Чан Пин тактично вышел из комнаты, закрывая за собой дверь, и велел У Ду не входить, оставляя Му Куанду и Дуань Лина наедине.

Му Куанда больше не сердился, он оглядел Дуань Лина и произнес:

— Вчера вечером я устроил банкет, а Хуан Цзянь ждал вас двоих всю ночь, но вы так и не появились. Вам придется принести ему извинения.

— Да, — смиренно ответил Дуань Лин.

Два хитрых лиса, утаившие все, что можно; естественно, Му Куанда не собирался выплескивать помой, говоря Дуань Лину, чтобы тот никому не рассказывал о том, что произошло накануне вечером, и, разумеется, Дуань Лин и не собирался рассказывать всем подряд.

— Ты помнишь, каким было содержание писем? Для монголов довольно странно посылать друг другу письма на ханском.

На одну ложь приходится еще больше лжи, чтобы первая ложь сработала — Дуань Лин как-то забыл об этом, и ему осталось лишь сказать:

— Письма действительно были на ханском языке. Мне тоже было интересно, почему, и я счел это довольно странным.

Му Куанда на мгновение затих.

— Напиши, посмотрим.

Дуань Лин взял кисть и, подражая тону Бату, вывел первый штрих.

— Я не совсем четко помню все детали.

Му Куанда позвал Чан Пина.

— Сходи в библиотеку и принеси последнее письмо, которое прислал Борджигин Бату.

Сердце Дуань Лина бешено билось в груди, и он переписал вторую страницу, сложив два листа бумаги вместе.

— Второе письмо тоже было написано Бату, но оно касалось союза. Я не очень помню, что там было написано.

Когда он закончил, Чан Пин уже принес им другое письмо. Он положил его перед Му Куандой, и тот сравнил их взглядом.

— Действительно, похоже на монгольского принца.

Это была еще одна контрольная точка, которую прошел Дуань Лин, и в душе он вздохнул с облегчением. Чан Пин бросил на него непринужденный взгляд и улыбнулся.

— Твой почерк очень похож на его почерк.

В молодые годы именно Дуань Лин научил Бату большей части ханьского письма, учебе и написанию сочинений. Дуань Лин осознал это только сейчас.

— Правда?

Он взял письмо и внимательно просмотрел его. Видя знакомый почерк Бату, по-прежнему изобилующий грамматическими ошибками, Дуань Лин нашел это одновременно забавным и родным, и не мог не заскучать по нему. В его сердце поднялась волна смешанных чувств.

— Борджигин Бату вырос в Шанцзине, — сказал Чан Пин. — Это правда. Он, должно быть, научился писать на ханьском, а поскольку Джучи никогда не учился читать, Бату забыл монгольский язык предков — возможно, он умеет только говорить по-монгольски, но не писать, поэтому и отправляет все свои послания на ханьском.

— Напротив, у меня такое чувство, — Му Куанда уставился на письмо, которое только что написал Дуань Лин, — что Бату, скорее всего, не хочет, чтобы об этом узнали другие его люди, и, чтобы не дать этой новости распространиться и ситуации выйти из-под контроля, он написал свои письма Амге и Хатан-Батору на ханьском языке.

Дуань Лин был весьма благодарен Му Куанде: в конце концов, он сам за него объяснил его ложь.

— Неважно, — произнес Му Куанда, — пока оставим это у себя и проверим позже.

Затем он передал все три письма Чан Пину, чтобы тот убрал их, и сказал Дуань Лину:

— Ван Шань, я даю тебе отпуск, чтобы ты мог съездить домой и навестить родителей. Ты должен вернуться через пятнадцать дней, чтобы помогать господину Чан Пину, и тогда у тебя будет шанс научиться управлять поместьем.

Дуань Лин понял, что это означало, что он наконец-то прошел через это испытание, и поклонился Му Куанде, прежде чем выйти из комнаты.

— Я заметил, что, что бы ни случилось, — произнес Чан Пин, — Ван Шань всегда такой. Очень спокойный.

— Он может брать на себя большую ответственность, и в будущем мы должны уделять время

его воспитанию. Такую дружбу, как между ним и Цин-эром, трудно найти. Чан Пин, похоже, нам снова придется внести изменения в наши планы.

Чан Пин на мгновение умолк, а затем ответил кивком.

Сегодня был яркий солнечный день. Во дворце Ли Яньцю сидел в одном из залов, и рядом с ним был лишь Чжэн Янь.

— Ты, наверное, шутишь? — глаза Ли Яньцю сузились, как только он дослушал его до конца.

Чжэн Янь молчал и просто смотрел на Ли Яньцю.

— Кто еще слышал, что он сказал?

— Чан Люцзюнь, Улохоу Му, У Ду, Фэн До, а также Ван Шань из поместья канцлера.

— Этого не может быть. Как тогда объяснить Меч царства? Разве покойный император стал бы обучать своему стилю кого-то не из семьи?

— Но что, если даже покойный император был обманут? В конце концов, Амга так и не объяснил, как обстоят дела на самом деле. Если Улохоу Му с самого начала обманул покойного императора...

— Если даже он был одурачен, то я не против. Он уже решил, что это его сын, так кто мы такие, чтобы утверждать обратное?

Чжэн Янь внезапно остолбенел. Он совершенно не ожидал, что Ли Яньцю скажет такое.

— Наследный принц просит аудиенции, — нараспев произнес снаружи евнух.

Появился Цай Янь, пребывающий в хорошем расположении духа. Он взглянул на Чжэн Яня и кивнул ему. Ли Яньцю посмотрел на него; Он сначала поприветствовал его, а затем сел на колени перед Ли Яньцю, ничего не говоря и лишь продолжая улыбаться.

— В чем дело? — спросил его Ли Яньцю. — Ты скучал по мне?

— Монголы говорят, что я самозванец, — произнес Цай Янь.

Выражение лица Чжэн Яня немного омрачилось, но Ли Яньцю ответил ему:

— Ты не должен беспокоиться о том, что они говорят.

Цай Янь добавил:

— Они и тогда так говорили.

Ли Яньцю внимательно изучил лицо Цай Яня и внезапно улыбнулся. Цай Янь замолчал, его глаза покраснели, и он отвел взгляд в сторону.

Ли Яньцю потянулся к шее Цай Яня, чтобы обнять его, и тогда он оперся о плечо Ли Яньцю и начал всхлипывать.

— Ты все еще думаешь о тех вещах, которые я сказал тогда, не так ли? Ты затаил обиду, как и твой отец. Я до сих пор помню, как в день твоего возвращения ты вот так же обнимал меня и плакал.

Цай Янь продолжал реветь, дрожа всем телом, и Ли Яньцю произнес:

— Когда наступит третий день третьего месяца, с того дня пройдет два года. Даже я уже не плачу, так почему же ты все еще ведешь себя как ребенок, который никак не может повзрослеть?

Чжэн Янь все еще наблюдал за Цай Янем, его брови были напряжены, и он не был уверен, что тот притворяется.

Цай Янь потерся лицом о плечо Ли Яньцю, и тот бросил взгляд на Чжэн Яня, чтобы сказать ему, чтобы он вышел из комнаты, а сам прижимался к Цай Яню и произносил нескончаемые слова утешения.

В трепещущем море персиковых цветов Дуань Лин вернулся домой, но У Ду нигде не было. Сразу по возвращении он отправился на поиски тех двух листов бумаги, но, открыв ножны, обнаружил, что они исчезли!

Дуань Лин пришел в шок, но тут же увидел листок бумаги, который У Ду оставил для него в ножнах: Я жду тебя под мостом.

Душа Дуань Лина едва не вылетела из тела, но, сообразив, что У Ду просто дразнит его, он

огляделся по сторонам, чувствуя себя полным параноиком. Он собрал вещи, вышел из дома и увидел, как фигура У Ду мелькнула в переулке. Если подумать, даже если У Ду его разыгрывает, он не посмеет зайти слишком далеко.

Три горы окружали берега Янцзы, девять рек протекали через город весны; водные артерии пересекали Цзянчжоу, и девять мостов были расположены на известняковых тропинках, по которым сновали туда-сюда маленькие лодочки. Многие рыбаки ставили свои судна, наполненные до краев речными обитателями, вдоль водных путей, чтобы продавать их на берегу.

В воздухе витал аромат цветов персика. Главная улица находилась недалеко от моста, и, оказавшись под ним, Дуань Лин огляделся по сторонам. Его голова наткнулась на ветку персика, и он тут же поднял глаза.

У Ду, облокотившись на перила, улыбался Дуань Лину. Он помчался по мосту, но У Ду успел быстро обернуться и уже убежал.

— У Ду! Стой!

У Ду стоял в конце моста и выглядел вполне прилично. Дуань Лин подбежал к нему, и в лучах солнца улыбка У Ду стала еще притягательнее, а черная одежда мастера боевых искусств в струях весеннего тепла придавала ему еще более воинственный вид. Дуань Лин не удержался, сделал еще один шаг вперед и обнял его за плечи.

— В чем дело? — спросил У Ду.

— Что с тобой? — спросил его в ответ Дуань. — Где они?

У Ду похлопал по ножнам.

— Мой меч — моя жизнь; его смерть — моя смерть.

Дуань Лин опустил голову на руку.

— Почему вы все любите хранить важные вещи в ножнах?

Но, честно говоря, если забыть про невезучего Амгу, ножны для меча или сабли — лучший тайник, когда речь идет о вещах, которые можно носить при себе. Ведь у убийцы меч всегда под рукой.

— Куда мы идем? — спросил Дуань Лин. — Что-то случилось?

У Ду, казалось, немного нервничал.

— Давай, спускайся сюда.

Настроение Дуань Лина улучшилось — в последнее время все события шли одно за другим, а теперь ему казалось, что дымка рассеялась, и над ним раскинулось голубое небо.

У Ду подошел к пирсу на берегу реки, указывая Дуань Лину, что тот должен взойти на него первым. Дуань Лин знал, что он умеет управлять лодкой, и у него это неплохо получалось, поэтому с радостью уселся.

У Ду отвязал веревку и запрыгнул в лодку. Оттолкнувшись от берега длинным шестом, маленькая лодка исчезла в скоплении судов на водном рынке. Вскоре она, словно стрела, вылетела с другой стороны и понеслась дальше, двигаясь по извилистым водным путям, чтобы дожидаться очереди на контрольно-пропускном пункте Черных доспехов у узкого входа в водный канал и покинуть город.

Дуань Лин впервые отправился в путешествие на лодке, и его не покидало волнение. У Ду прошел контрольно-пропускной пункт, снова толкнул шест, и лодка вышла в сторону Янцзы. Перед ними открылся путь, где не было ничего, кроме воды, стремительно несущейся на восток.

Тысяча парусов реяло над Янцзы; У Ду несколькими быстрыми рывками поднял парус, пару раз обмотал веревку вокруг мачты, а затем небрежно перекинул ее через нее и сел рядом с Дуань Лином у носа, бок о бок.

— Как красиво, — произнес Дуань Лин. — Куда мы плывем?

— На край земли, — сказал У Ду, — хочешь?

Дуань Лин внезапно почувствовал себя таким измотанным, но в то же время таким счастливым, особенно в тот самый миг, когда он увидел ярко-синее небо над головой и широкие водные просторы под ним; это навело его на мысль, что все прекрасное, что есть в этом мире, находилось прямо здесь.

— Хочу, — ответил Дуань Лин.

Ни один из них ничего не говорил, сидя спиной к носу.

— Когда мы вернемся домой, ты должен будешь стать императором. Возможно, пройдет много-много времени, прежде чем мы снова сможем отправиться в путь.

Дуань Лин понимал, что имел в виду У Ду — теперь, когда у них есть доказательства, он стал на шаг ближе в своих планах вернуться ко двору. До оглашения результатов экзаменов оставаться в Цзянчжоу — не самая лучшая идея.

Маленькая лодка проплывала по поверхности реки и вошла в еще один узкий пролив, после чего свернула на север. По обе стороны от берега возвышались горы, прекраснее которых он и вообразить себе не мог. У Ду снял с себя верхний халат, подвернул штаны и направил судно вперед. Случайно встретив торговца рыбой, продающего свой улов, они купили у него немного еды.

Тем временем Дуань Лин нашел угольную печку и развел на носу лодки огонь, чтобы приготовить рыбный суп и рис.

Он не спрашивал, куда они плывут. Постепенно он начал думать, что если он сможет провести так всю свою жизнь, то это тоже прекрасно; жить, словно водоросли, дрейфующие на поверхности пруда, странствуя в дальних краях. А чудесный мир за его пределами и все люди на свете просто превратятся в птиц, рассекающих небо и проносящихся под горными вершинами. Все станет таким простым.

Ночью, когда шел дождь, Дуань Лин и У Ду вместе спали в трюме, слушая стук дождя по реке. А выглядывая наружу, они видели лишь миллион капель дождя, разбивающихся о воду.

Когда ветер стихал и сдувал все дождевые тучи, они ложились на палубу, где их окружала тысяча ли неподвижной воды, поверхность которой отображалась, словно зеркало, а перед глазами сияла звездная река.

Так прошло два дня. На третий день, когда Дуань Лин, зевая, проснулся, У Ду уже подталкивал лодку к берегу. Они добрались до отдаленного горного ущелья с известняковой тропой, ведущей к концу горного хребта.

— Что это за место? — спросил Дуань Лин.

У Ду смотрел вдаль. После недолгого молчания он произнес:

— Я понесу тебя.

— Давай пойдем вместе. Мы будем молиться в буддийском храме?

— Увидишь, когда придешь туда, — когда он сказал это Дуань Лину, казалось, что У Ду немного нервничал.

Они поднялись по каменным ступеням, которые за долгие годы запустения покрылись лишайником, и добрались до скалы, вдоль которой тянулась дощатая дорожка, которая,

петляя, вела все дальше в глубь леса. Когда Дуань Лин увидел перед собой первые монастырские ворота, он наконец понял, зачем У Ду привел его сюда.

Перед ними предстал огромный, высеченный из камня белый тигр, похожий на настоящего, обращенный к великой реке и миру центральной равнины внизу, окруженному слоем облаков.

Сразу за каменной статуей на вершине лестницы находилась широкая платформа, а за ней — множество заброшенных кирпичных зданий. На вершине платформы было жутко тихо, так как ее редко посещали, а зеленые лозы вились от основания фундамента на много ли вниз. В горах ничто не напоминало об уходящих годах, словно само время здесь застыло.

— Здесь ты тренировался? — спросил Дуань Лин.

— Да. Это Зал Белого Тигра, — ответил У Ду и вместе с Дуань Лином поднялся по ступеням, пока они не оказались перед большим залом. Высоко над ними висела табличка с тремя иероглифами, написанными древним шрифтом: Зал Белого Тигра.

— Сегодня мы переночуем здесь. Может, в горах еще холодновато, но я думаю...

— Ничего страшного, — ответил Дуань Лин и, стоя перед большим залом, потянулся, глядя на зеленые холмы за горами и клубящиеся над ними туманные облака. Вид напоминал ему строчку из поэзии: «Родившись на склонах, плывут облака без труда, завидую птицам и в трепете дивном немею»*. С того момента, как они покинули Цзянчжоу, он впервые наслаждался тем, что оставил все свои заботы позади. Здесь ему не нужно беспокоиться о том, что кто-то придет лишить его жизни, как и о том, что он случайно произнесет что-нибудь, из-за чего его могут убить. Они могут спокойно спать и отдыхать.

* Из стихотворения Ду Фу 望岳 / «Взирая на священную вершину».

Он обернулся, чтобы взглянуть на У Ду.

Тот стоял в большом зале и подметал каменные дорожки. Найдя на стуле птичье гнездо, он подобрал его, вытер стул, а затем поставил его на место.

— А? — Дуань Лин заметил маленького зверька, спрятавшегося за колонной, и быстро подошел к нему. Это была белка. Услышав шаги, она остановилась, обернулась и нерешительно посмотрела на Дуань Лина.

— Животные в горах не боятся людей, — объяснил У Ду.

— А здесь есть другие люди?

— Нет. Тогда здесь жили только я, мой учитель, его жена и шицзе.

Вспомнив о Сюн Чунь, потерявшей жизнь в Шанцзине, Дуань Лин вздохнул.

Когда У Ду закончил уборку, он добавил:

— Дуань Лин, пойдём. Встретимся с Белым Тигром.

Дуань Лин прошёл в центр главного зала и обратил взор на Белого Тигра, вырезанного из белого мрамора и стоящего в алтаре. Его глаза запали, как будто в них когда-то были вставлены драгоценные камни, но они были давно потеряны, вероятно, украдены ворами. На стене позади него была нарисована обветшалая красочная фреска «Тысяча ли рек и гор»*, а в нее были инкрустированы семь вырезанных из мрамора шашек вэйци*.

* Огромная картина, можете глянуть ее в хорошем качестве на странице в википедии.

* Го — логическая настольная игра с глубоким стратегическим содержанием, возникшая в Древнем Китае, по разным оценкам, от 2 до 5 тысяч лет назад. Кто читал эрху, тот знаком с ними.

— Я ученик семнадцатого поколения, наследник рода яда, — произнес У Ду статуе Белого Тигра, — нынешний глава Зала Белого Тигра, У Ду. Сегодня я здесь с наследным принцем центральной равнины.

Дуань Лин не мог удержаться от изумления, его спина выпрямилась после слов У Ду. Он стоял перед статуей, прижимая указательный и средний пальцы левой руки к тыльной стороне правой, и поклонился, соблюдая особый ритуал во время паломничества к Белому Тигру.

— Владыка Белый Тигр, пожалуйста, благословите...

— Как там тебя зовут? — У Ду сделал паузу, чтобы спросить Дуань Лина.

— Что?

— Твое имя.

Дуань Лин молча уставился на У Ду. И У Ду молча смотрел в ответ.

— Что ты за глава секты? — Дуань Лин даже не знал, что ему ответить.

У Ду начал ныть:

— В тот день ты шокировал меня до потери сознания, так что как я мог что-то запомнить? Скажи уже.

— Ли Жо, я пришел выразить вам свое почтение, — сделал шаг вперед Дуань Лин. Он знал, что созвездие Белого Тигра — бог солдат и войны, контролирующий все, что связано с кровопролитием. Он поклонился.

— Я молюсь за то, чтобы Великая Чэнь побеждала в каждой битве, чтобы она одерживала победу в каждой войне.

У Ду ухмыльнулся и повернулся к статуе.

— Я молюсь, чтобы вы благословили и защитили наследного принца Великой Чэнь, Ли Жо, и позволили ему без проблем вернуться к императорскому двору.

Каждый из них закончил разговор с Белым Тигром, после чего они вместе молча смотрели на статую с отсутствующим взглядом. Из глубин главного зала до них долетел и вырвался наружу сквозняк, заставляя края их одеяний развеяться — словно свирепый тигр только что пересек лес, заставив шелестеть все листья на деревьях.

— Куда делись его глаза? — спросил У Ду Дуань Лин.

— Понятия не имею. Насколько я помню, у него их никогда не было, так что, наверное, их давно уже вытащили. Его глаза не видят, но он прекрасно слышит.

Дуань Лин задумался: похоже на правду. Возможно, ветерок был его сигналом.

Никогда еще в жизни у Дуань Лина не было столько свободного времени. Тем же днем У Ду снова спустился по лестнице с горы, чтобы перенести постельные принадлежности и еду из лодки в жилище. Дуань Лин предложил помочь, но У Ду велел ему просто отдыхать. Как только он сложил вещи на платформу, он снова отправился в лодку за новыми.

Зал Белого Тигра располагал задним двором, в котором находилось несколько домов, разделенных на восточное и западное крылья, а в главном доме жили учитель У Ду и его жена. Дуань Лин заметил алхимическую печь, все еще заполненную затвердевшей киноварью и какими-то снадобьями, смесь которых теперь стала совершенно черной. В западном крыле находилась комната Сюн Чунь. Дуань Лин открыл дверь и заглянул внутрь: там было полно паутины и пыли, и больше ничего не было. Восточное крыло было комнатой У Ду. В ней была одна кровать и две деревянные полки, заставленные старыми вещами, на которых громоздились изъеденные древние тома.

— Какая жалость, — произнес Дуань Лин, — у тебя было столько редких книг, переписанных вручную, но они так испортились. Разве ты не боишься, что знания будут утеряны?

У Ду набрал воды из ручья за главным залом и, засучив рукава, начал убираться в доме.

— Все умерли. Передастся ли знание боевых искусств или будет утрачено, об этом больше некому беспокоиться.

— Что здесь?

— Эликсиры, которые учитель приготовил много лет назад. Он всегда хотел жить вечно, следовать Дао и стать бессмертным. Когда-то он был в полном порядке, но, отведав слишком много этой дряни, уже не мог даже сражаться. Когда на столицу напали, он взял с собой жену и спустился с горы, чтобы подкрепить войска, и должен был выбраться невредимым, но тот проклятый эликсир, который он принял, не позволил его ци течь, когда это было нужно, и кидани застрелили его.

— Где он похоронен? Может, нам навестить его могилу?

— Кенотаф находится там. После того как столицу захватили кидани, шицзе попросила кого-то принести его одежду. Мы сходим, если у нас будет время. Спешить некуда.

Дуань Лин и У Ду вместе убрали комнату, и У Ду произнес:

— Мне ничего из этого не нужно. Просто выброси все.

— Нет-нет, они слишком ценные.

— Я держу все это в голове, ты же знаешь. Не листай их сейчас, они пыльные. Если это сделаешь, то начнешь чихать.

Дуань Лин чихнул более дюжины раз, прежде чем ему удалось упорядочить книги У Ду, разложив их по полкам. Он планировал сделать копии всех книг, когда у него будет время, и таким образом он поможет сохранить знания Зала Белого Тигра в целости и сохранности.

Близилась сумерки. У Ду уже наполовину закончил уборку. Разведя огонь, он начал готовить ужин для Дуань Лина.

Наблюдая за тем, как У Ду занимается своими делами, Дуань Лин словно снова стал маленьким ребенком. Он вспомнил слова, сказанные ему однажды: всегда найдутся люди, которые, пренебрегая всем остальным, будут добры к тебе, кем бы ты ни был. Если бы я не был наследным принцем Южной Чэнь, разве У Ду привел бы меня сюда?

Дуань Лин поразмышлял над этим и пришел к выводу, что У Ду, скорее всего, привел бы.

Заметив под полками в комнате старинный потертый короб, Дуань Лин нагнулся, чтобы открыть замок. Открыв его, он обнаружил, что ящик был заполнен деревянными куклами лошадей и людей, вырезанными маленьким ножом. Должно быть, это игрушки, которые У Ду вырезал для себя, когда был совсем один в детстве. Под игрушками лежал красный мешочек, и Дуань Лин уже собирался открыть его, как вдруг это заметил У Ду и произнес:

— Не трогай это!

Подумав, что это какой-то смертельный яд, Дуань Лин быстро положил его на место, но тут в комнату поспешил У Ду с багровым румянцем на щеках и убрал мешочек обратно на самый нижний уровень ящика.

— Что это?

— Ничего.

У Ду выглядел немного смущенным, что только усилило любопытство Дуань Лина и заставило его продолжать приставать к нему. Стесняясь, У Ду ушел на кухню за водой, чтобы приготовить рыбу на пару, но Дуань Лин все время ходил за ним по пятам, пока он не сдался под его натиском.

— Это детский набрюшник.

Дуань Лин на мгновение замер, прежде чем разразиться заливистым смехом. У Ду выглядел немного раздраженным.

— Не смейся!

Дуань Лину пришла в голову мысль, и он, казалось, понял.

— Тебя заворачивали в него, когда ты был маленьким?

— Да, — ответил У Ду, — когда жена учителя нашла меня, эта ткань была единственной вещью на мне.

— А свидетельство о рождении было? Имена родителей?

— Понятия не имею. Даже если бы и было, учитель бы его сжег, — сказал У Ду, не обращая на него внимания. — У убийцы не может быть ни матери, ни отца.

— А разве это не значит, что ты не знаешь, когда у тебя день рождения?

— Ну, будем считать днем рождения... день, когда она меня нашла.

Дуань Лин только потом пришел к пониманию.

— Какой день?

У Ду ничего не сказал, а Дуань Лин, похоже, собирался на него надавить, поэтому ему осталось лишь ответить:

— Я скажу тебе, когда он наступит.

Дуань Лин протянул мизинец, и У Ду слегка пожал его своим.

— Иди, жди ужина, но не убегай. Может, здесь тебя никто и не убьет, но заблудиться в горах не так уж и сложно.

У Ду ограничил зону передвижения Дуань Лина территорией между каменными ступенями и дощатыми дорожками, простирающейся до самой платформы, он мог бродить и по зданиям Зала Белого Тигра, но не мог заходить в горы за залами. Дуань Лин подошел к краю площадки и взглянул на облака: они плыли по пикам подобно океану; уже поднялся туман, и в горах было тихо, как в стране бессмертных.

Суэта и богатство Цзянчжоу, вражда между людьми — все это можно было пока оставить позади. Все они казались Дуань Лину не более чем послеобеденным сном.

Если он останется здесь до конца своих дней, может быть, никто и никогда не сможет их найти?

Если он останется здесь на всю жизнь, то, возможно, ему больше не придется ни о чем беспокоиться.

Дуань Лину пришла в голову мысль, когда он смотрел на облачное море. Если ему удастся достичь всех своих целей и однажды уйти на покой, то это будет его последнее и единственное пристанище. После стольких переживаний нет ничего приятнее, чем прожить остаток жизни в спокойствии, с кем-то рядом... Подумав об этом, он повернулся, чтобы заглянуть в зал Белого Тигра. У Ду как раз стучал по металлу, издавая звонкий звук, давая понять, что пришло время ужина.

— Убирайся! Я тебя пришибу!

Зайдя внутрь, Дуань Лин увидел, как У Ду отпугивает появившуюся из ниоткуда обезьяну. Она хотела подойти и выпросить у него немного еды, но не решалась подступать слишком близко.

Она смотрела на У Ду огромными щенячьими глазами, а потом перевела их на Дуань Лина. Тот, не удержавшись, звонко засмеялся и бросил ей немного сухого пайка. Обезьяна тут же схватила его и убежала.

— Вон там еще одна, — Дуань Лин огляделся по сторонам и увидел, что большая обезьяна поспешила отдать еду другой обезьянке, поменьше, после того как та успешно выпросила немного еды.

— Если нужна еда, заработай на жизнь сам, — отшутился У Ду. — Хочешь быть господином и хозяином дома — содержи свою семью.

Затем У Ду толкнул плечом огромные двери и закрыл их.

Вечером одинокий светильник раскачивался взад-вперед на горном ветерке, а под ним они вдвоем ели рис с закусками и свежую рыбу, которую купили на реке. У них даже нашлась пара чашек вина.

После того как они закончили пить, У Ду сказал Дуань Лину:

— Я хочу сводить тебя в одно место. Пойдем.

Сегодня было полнолуние. У Ду повел Дуань Лина к горам за домами, и они, свернув за угол по узкой тропинке, вышли на другую сторону горы, где открывалось небо; из-за безлюдной дикой местности луна казалась еще ярче, и все вокруг заливал серебристый свет.

Освещенное лунным светом, это место было единственным, где росли персиковые деревья; в земном мире сезон цветения персиков уже подошел к концу, но в горных храмах они были в полном цвету. Среди горных хребтов персиковые цветы распускались яркими гроздьями, и горный ветерок срывал миллионы лепестков с их ветвей, заставляя порхать в лучах яркой луны.

— Что скажешь? — с улыбкой спросил У Ду.

Дуань Лин практически не мог вымолвить ни слова; он в оцепенении смотрел на открывающийся перед ним пейзаж.

— Только десять дней в году, — сказал У Ду, — открывается такой вид.

— Это так прекрасно.

У Ду подошел к нему, и они вместе сели на камень. Он достал свою флейту и поднес ее к губам. Прозвучала музыка, и в этот миг «Радость встречи» вновь унесла Дуань Лина в далекое

прошное.

Когда песня закончилась, Дуань Лин и У Ду тихо встретились взглядами.

Губы У Ду незаметно дрогнули, дыхание участилось, и вот он уже сидел на камне совсем близко к Дуань Лину в одном лишь халате и коротких штанах. Лунный свет падал на их белоснежное белье, и Дуань Лин смутно различал прекрасные резкие линии тела У Ду.

— Дуань Лин, — вдруг произнес У Ду, — я... хочу тебе кое-что сказать.

Не понимая причины, Дуань Лин тоже начал чувствовать себя напряженно.

— Ч-что?

У Ду смотрел на него сверху вниз, и они оба молчали, по крайней мере, в течение нескольких вдохов, но затем У Ду отвернулся и посмотрел в сторону горных ручьев, а потом на яркую луну над головой, казалось, что он был на взводе.

— Что ты хотел сказать? — Дуань Лин протянул ладонь, положив ее на тыльную сторону руки У Ду, но тот отдернул свою руку и взялся за его.

— Ты... — У Ду снова и снова прокручивал эту мысль в голове, прежде чем решился и спросил.
— Тебе здесь нравится?

Дуань Лин улыбнулся, и его улыбка была подобна миллиону цветков персика, распустившихся под лунным светом.

— Сегодня я как раз думал, — Дуань Лин взял У Ду за руку, — может, когда-нибудь я останусь жить здесь, в Зале Белого Тигра, и никогда не вернусь в земной мир.

— О нет, нет, — тут же возразил У Ду, — так не пойдет. Я... ты...

— Да, — Дуань Лин задумался о своем долге, а это наверняка была тяжелая тема. Он пошутил:

— Это просто мысли.

— Нет, это не так... — У Ду взял себя в руки и сказал. — Я подумал о том, что... помимо этого места, я хочу сводить тебя... и в другие края. И если ты хочешь... ты можешь... не торопясь выбрать место, которое тебе больше всего нравится... подойдет любое. Хоть край света, хоть морскую бездну. Где бы ни было — я последую за тобой...

Дуань Лин уставился на него в изумленном молчании.

— Я... Я думаю... — У Ду не смел взглянуть на Дуань Лина, он мог лишь смотреть куда-то вдаль, а его красивое лицо окрасилось в пунцовый цвет до самых ключиц, даже кожа под татуировкой покраснела, словно он выпил. Его хватка на руке Дуань Лина подсознательно стала крепче, и он заикался в своей речи.

— После этого я также отвезу тебя... во все те места, которые ты хочешь увидеть. Отвезу тебя в Дяньнань, отвезу тебя... посмотреть на океан. Ты... Шань-эр, в тот день... когда ты назвал меня своим «господином», я знаю, может, ты просто пошутил, но я взял тебя сюда, потому что хотел спросить... согласен ли ты... на всю нашу оставшуюся жизнь...

К этому времени У Ду уже успокоился. Слова уже покинули его рот, и он больше не мог нервничать.

— Перед другими людьми мы с тобой сохраним прежний вид, — У Ду не знал, откуда взялась его смелость, но он посмотрел в глаза Дуань Лину и серьезно произнес. — Даже если ты вернешься к императорскому двору, мне не нужно, чтобы ты представлял меня официально. Пока ты будешь думать обо мне так же, как сегодня, я найду тебе Чжэньшаньхэ и буду оберегать тебя до конца жизни, до самой смерти.

— Я знаю, что в будущем ты станешь императором. Но я правда... очень... очень хочу быть... с тобой...

По мере того, как он это говорил, он снова начал нервничать.

— Я думаю... если ты согласишься, я буду хорошо к тебе относиться. Когда мы будем одни, и никого не будет рядом, я буду... обращаться с тобой... обращаться с тобой, как со своей женой, а ты будешь... слушаться меня, как...

Дуань Лин ошарашенно смотрел на У Ду, а тот осознал, что все еще сжимает руку Дуань Лина, и поспешно отпустил ее. Он потянулся в карман халата и достал нитку бус.

У Ду разогнул пальцы, держа бусы перед Дуань Лином, и слегка протянул руку вперед, словно скромный человек, делающий подношение от всего сердца, в жесте более благоговейном, чем подношение богам их мира.

Этой данью был браслет, унизанный бобами молитвенного четочника*.

* Четочник молитвенный или абрус представляет собой вьющуюся гибкую древовидную лиану. Название растения *abrus* — от греческого слова 'habrus', означает элегантный, грациозный, а эпитет 'precatorius' происходит от слова 'precator' — молящийся, что обусловлено тем, что из семян абруса делали четки, по которым отсчитывали количество прочитанных молитв.

Щеки Дуань Лина мгновенно стали багровыми, когда до него дошло, что У Ду оставил недосказанным — к его удивлению, У Ду делал ему любовное признание!

Еще до этого у Дуань Лина возникло смутное подозрение, что так оно и есть, а нынешний момент напомнил ему тот вечер, когда на закате У Ду взял его за руку и рассказал все те вещи в кленовом лесу.

Мгновение — и темный дровяной сарай поместья Дуань, снежная буря над замерзшей Желтой рекой, те непривычные и мрачные дни в Шанцзине, война, сотрясавшая землю под ним, ночь отчаянного бегства, которая словно случилась вчера, та суровая зима в Лояне, смерть отца... В его сознании все эти воспоминания рассыпались одно за другим.

В детстве каждый из них был одинок в этом мире, а теперь они сидели под небом, усыпанным кружащимися персиковыми лепестками, и молча смотрели друг другу в глаза.

На месте этих воспоминаний оказались все те мечты, которые некогда были обещаны ему в бесконечной реке времени, все эти красочные, ослепительные надежды и жизнь, которую он хотел бы прожить.

Дуань Лин, казалось, видел себя, а заодно и У Ду — У Ду, который рос сиротой и был одинок, наконец-то повзрослел и нашел его.

Когда-то руки У Ду величественно держали меч, олицетворяющий последнего из мастеров боевых искусств центральной равнины; и те же руки остановили клинок, который налетел на него с силой, достаточной, чтобы разбить сам небосвод за пределами Тунгуань. Но теперь их охватила легкая, но неконтролируемая дрожь.

— Я...

Дуань Лин сделал глубокий вдох, изо всех сил пытаясь сдержать волнение, бушующее в его сердце, но заметил, что не может вымолвить ни слова. Когда же он поднял глаза и встретился взглядом с У Ду, то, похоже, тот пришел к другому выводу. Заметив, что Дуань Лин не забрал у него браслет, он грустно улыбнулся и кивнул, как будто уже знал, что это и есть ответ.

Но, к его удивлению, вместо того чтобы взять браслет У Ду, Дуань Лин обнял его за шею и, закрыв глаза, наклонился и прижался губами к его губам.

Шелестя листьями, подул горный ветерок, и лепестки цветов разлетелись по воздуху.

Глаза У Ду удивленно распахнулись, а все его тело застыло, словно пораженное молнией. Не смея сдвинуться ни на цунь, он застыл в позе, когда их губы соприкоснулись. В следующее мгновение он пришел в себя и посмотрел на Дуань Лина, а его сердце бешено забило в груди.

Они отстранились друг от друга, и Дуань Лин забрал у него браслет. Сжав его между пальцами и учащенно дыша, он хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать. Они оба были красными, из ушей хлестала кровь, но на лице Дуань Лина играла легкая, застенчивая улыбка.

И в следующее мгновение У Ду, не говоря ни слова, встал и убежал в лес персиковых деревьев.

— У Ду? — окликнул его Дуань Лин, но тот ни на секунду не остановился. За два рывка он пробежал так далеко, что от него не осталось и тени.

Дуань Лин безмолвно смотрел в темноту, не понимая, что происходит, но когда он догнал его, то увидел, как У Ду сделал кувырок под деревом, а затем нанес несколько ударов, взбивая листья и лепестки цветов так, что они порхали вокруг него, словно облако.

Дуань Лин засмеялся, а У Ду внезапно обернулся. Поняв, что тот заметил его, он скрылся за стволом дерева.

Дуань Лин надел браслет. Тем временем У Ду закрыл глаза, прислонившись спиной к персиковому дереву, и засиял своей немного игривой, но пленительной улыбкой.

Дуань Лин не знал, что ему сказать. Казалось, что за этот вечер все изменилось, и пейзаж перед ним приобрел особое значение. Я действительно поцеловал его! Где я нашел в себе смелость? Губы У Ду были обжигающе горячими и мягкими, совсем не такими, какими он их себе представлял, и он все еще думал о том ощущении, которое испытал в тот самый момент, когда это сделал.

У Ду повернул голову, чтобы выглянуть из-за дерева, и увидел Дуань Лина, неподвижно сидящего на камне, спиной к нему и лицом к горному хребту и долинам под луной.

Снова зазвучала музыка флейты, но на этот раз это была радостная, веселая музыка. Дуань Лин обернулся и посмотрел: У Ду стоял под деревом и играл другую мелодию, похожую на народную песню, и лицо Дуань Лина озарила улыбка.

— Что это за песня?

Закончив играть, У Ду отложил флейту и с улыбкой ответил:

— «Водяные часы». Я лишь однажды слышал, как жена учителя играла ее, и даже не помню, в точности ли она так звучит*.

* В оригинале написано «Водяные часы — Золотая шпилька», но первая часть — это мелодия, а вторая — текст. «Золотая шпилька в волосах» — стихотворение о любви.

У Ду вернулся на свое место рядом с Дуань Лином, и они смотрели друг на друга, улыбаясь без слов.

Затем У Ду повернулся и обхватил рукой талию Дуань Лина. Другой ладонью он провел по его щеке и, слегка наклонив голову, впился в губы Дуань Лина поцелуем.

Дуань Лин коснулся лица У Ду, и его запястье обвивал браслет.

Этот поцелуй не прекращался, словно долго подавляемые эмоции наконец-то вырвались на поверхность, и в мгновение ока их чувства превратились в бушующий поток, в котором утонули они оба.

У Ду не хотел отпускать Дуань Лина даже на мгновение; он обнимал его за талию и, почти прижимая к скале, покрывал губы поцелуями. Дуань Лин чувствовал, как его щеки все больше разгорались под этим натиском, и с течением времени он все сильнее убеждался, что У Ду становится более наглым в своих поползновениях.

Дуань Лин действительно начал чересчур нервничать и не мог не сопротивляться. У Ду ослабил хватку и сглотнул, глядя ему в глаза, словно тоже осознал, что перегнул палку. Он тут же отпустил его и тревожно спросил:

— Я ведь... я ведь не сделал тебе больно?

Дуань Лин покачал головой. Он не знал, почему, но сцена, которую он наблюдал в Цветочном павильоне, снова всплыла в его памяти, и она действительно слишком будоражила. Однако пока он не мог решиться на такое.

— Давай... вернемся, — Дуань Лин считал, что если они собираются целоваться дальше, то лучше это делать в помещении — по крайней мере, у них будет крыша над головой.

У Ду тоже пришел в себя и сказал:

— Ветрено, лучше не простужаться. Пойдем.

Дуань Лин и У Ду сцепили пальцы и, взявшись за руки, неторопливо пошли по горным тропинкам к дому.

— Г-господин*, — Дуань Лин вдруг вспомнил, как он его называл, и улыбнулся от этой мысли.

* Тот же самый «лао» (老), который в широком смысле «глава дома», но и «муж».

У Ду тоже находил это забавным, и уголок его рта приподнялся, прежде чем он успел это понять. Он перевел взгляд с Дуань Лина на тропу перед ними — узкую дорожку, проходящую через безбрежное облачное море, мерцающее лунным светом и прорезающее высокие скалы.

Ночью, когда они легли спать, Дуань Лин не смог удержаться от того, чтобы не коснуться груди У Ду, и они снова оказались в объятиях друг друга; У Ду наклонился и осторожно поцеловал его, их тела терлись друг о друга через два тонких слоя ткани, и обоим стало обжигающе жарко. Это был первый раз, когда Дуань Лин делал что-то подобное, и так случилось, что сейчас была весна, когда расцветают новые желания, а У Ду уже много лет изучал боевые искусства и, не имея возможности дать волю своему вожделению, сгорал от желания прижаться к Дуань Лину и просто овладеть им.

Они снова начали целоваться, рука У Ду проскользнула под пояс Дуань Лина, но, когда она прошлась по изгибу его бедра и достигла ягодиц, Дуань Лин начал судорожно задыхаться, и У Ду сглотнул.

— Мне обязательно... делать это? — без предупреждения Дуань Лин вдруг почувствовал себя немного напуганным.

Отрезвев, У Ду на мгновение задумался.

— Тебе будет очень больно, так что не сейчас. Давай сделаем это в другой раз.

Дуань Лин кивнул и немного расслабился. Он прижался к У Ду, изучая его черты. У Ду еще раз чмокнул его и прошептал:

— Я не вынесу, если причиню тебе боль.

И Дуань Лин снова улыбнулся. Они прижимались друг к другу, и твердые органы между ног терлись друг о друга сквозь тонкую ткань штанов. Даже если они были скрыты за тканью, Дуань Лин все равно чувствовал, насколько большой и твердый член у У Ду — намного больше, чем его собственный. Дуань Лин подумал, как же приятно вот так тереться об него, и от этого там стало мокро.

Дыхание У Ду участилось, ему было так хорошо, что он весь дрожал, и вскоре он решил просто перевернуть их так, чтобы Дуань Лин оказался под ним, и его вес прижался к нему, а он осыпал поцелуями его губы и уголок его рта.

Обнявшись, они вдруг почувствовали себя спокойнее и ничего не говорили, а просто смотрели друг другу в глаза. У Ду все еще не мог не улыбаться.

— Я как будто во сне.

Они целовались снова и снова, и, хотя Дуань Лин не был к этому готов... ему все-таки было немного любопытно.

— Это действительно очень больно? Ты пробовал?

— Нет. Чжэн Янь сказал, что... да.

— Он пробовал?

У Ду не знал, что ему на это ответить. Он залез под рубашку Дуань Лина и стал щекотать его. Руки Дуань Лина находились на шее У Ду, поэтому у него не было возможности сопротивляться, и все, что он мог сделать, это многократно молить о пощаде, пока тот не отпустит его.

— Он не умеет себя вести и имеет склонность приставать к симпатичным молодым людям. Мне говорили, что, если не быть аккуратным, это может сильно травмировать. Я не хочу, чтобы у тебя появился страх перед этим. Когда мы вернемся домой, я куплю... э-э... во всяком случае, я позабочусь об этом. Тебе больше не нужно об этом думать.

Теперь Дуань Лин понимал, что, пожалуй, это правда. Но и это было не страшно — высокая фигура У Ду, прижимающая его к себе, дарила ему ощущение полной безопасности.

— В будущем я тоже отвезу тебя домой, — прошептал Дуань Лин, блуждая глазами по красивым чертам лица У Ду.

— Когда-нибудь ты вернешься.

У Ду подумал, что тот говорил о дворце, но Дуань Лин имел в виду Сюньян. Когда-нибудь он тоже отправится туда вместе с Дуань Лином. В Сюньяне сейчас была весна, и уже, должно быть, распустились цветы.

<http://bllate.org/book/15657/1400658>